

Книжка 1758

ПАМЯТИ В. Г. БѢЛИНСКАГО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ИЗЪ ТРУДОВЪ РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ

СЪ 3 ФОТОТИПІЯМИ

Издание Пензенской общественной библіотеки
имени М. Ю. Лермонтова.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1899

Мас. № 1028, 2

НА РАЗСТОЯНІИ ПОЛУВѢКА.

БАЛЬЗАКЪ, АНТ. ЧЕХОВЪ И ВЛАД. КОРОЛЕНКО

О „КРЕСТЬЯНАХЪ“.

Honoré de Balzac „Les paysans“ (1845—1855); А. П. Чеховъ „Мужики“ (1897 г.);
В. Г. Короленко „Надъ Лиманомъ“ (1897 г.).

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ *).

„Такъ вотъ прогрессъ!“ — воскликнулъ Эмиль Блондэ, парижскій журналистъ, прѣбывавшій въ 20-хъ годахъ нынѣшняго вѣка въ бывшее имѣніе генерала Монкорнэ, на вдовѣ котораго онъ только что женился, и удивленный перемѣной во внѣшнемъ видѣ помѣстья, перепроданнаго крестьянамъ. „Да это просто страница изъ „Общественнаго договора“ Ж.-Ж. Руссо! И я запряженъ въ социальную машину, которая такъ функціонируетъ!... Боже мой, что станетъ вскорѣ съ королями? Что станетъ, при такомъ положеніи дѣлъ, даже съ самими націями черезъ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ?..“

„Мой другъ, ты меня любишь, ты со мной, — отвѣтила Эмилю его жена, — я нахожу настоящее прекраснымъ и не забочусь о столь отдаленномъ будущемъ“. Эмиль Блондэ согласился съ мнѣніемъ жены и карета умчала молодоженовъ, справлявшихъ свой медовый мѣсяцъ...

Такъ заканчивалъ, пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ, Бальзакъ свой романъ о „мужикахъ“ (Les paysans), въ которомъ излагалась исторія борьбы и побѣды крестьянскаго населенія Франціи надъ другими сословіями общества изъ-за владѣнія землею. „Qui terre a, giegge a“, у кого земля, изъ того и война: таково первоначальное заглавіе романа. Первая часть его появилась въ печати въ

*) Лекція, читанная въ пользу Общества вспоможенія бывшимъ слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ, 1-го марта 1898 года.

1845 году; вторая лишь десять лѣтъ спустя, послѣ смерти автора († 1850 г.). Бальзакъ трудился надъ этимъ произведеніемъ долго: „сотни разъ въ теченіе восьми лѣтъ,—писалъ онъ въ посвященіи Гаво,—я откладывалъ работу, сотни разъ принимался вновь за книгу, самую значительную изъ всѣхъ, которыя я имѣлъ въ виду написать“. Между тѣмъ „Les pausans“ — нынѣ наименѣе извѣстное изъ произведеній гениальнаго автора „Комедии человѣчества“, и въ художественномъ отношеніи, быть можетъ, не лучшее. Но Бальзакъ поставилъ себѣ задачей—„очертить нѣсколько выдающихся типовъ народа, за-бытаго,—по его выраженію,—столькими писателями въ погонѣ за новыми сюжетами“. „Быть можетъ, это забвеніе—только осторожность“, не безъ язвительности замѣчаетъ онъ далѣе, „осторожность въ наше время, когда народъ получилъ наслѣдство всѣхъ (былыхъ) куртизановъ королей. Преступниковъ окружили поэтическимъ ореоломъ (on a fait de la poésie avec les criminels), надъ палачами проливали слезы умиленія, пролетаріевъ почти возвели въ божество“. И Бальзакъ задумалъ показать „мужиковъ“ такими, каковы они на самомъ дѣлѣ (или правильнѣе—какими они представляются автору), сорвавъ покрывало поэзіи, чтобы стать лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью. Картина получилась тяжелая, потрясающая и, какъ указано, герои романа съ ужасомъ думаютъ о завтрашнемъ днѣ, о томъ, что станетъ съ правителями и съ общественнымъ строемъ, при постоянной борьбѣ и заговорахъ (la conspiration permanente),—тѣхъ, кого мы еще называемъ слабыми, противъ тѣхъ, которые воображаютъ себя сильными, мужика противъ богачей. Бальзакъ обращается къ будущему законодателю общества (le législateur de demain), чтобы уяснить ему настоящее положеніе дѣла; социальныя проблемы его тревожатъ, но самъ онъ остается въ своей области, не рѣшая, т.-е. не предпрѣшая вопросовъ, которые невольно напрашиваются при вдумчивомъ, пропикновенномъ изученіи дѣйствительности: художникъ предлагаетъ лишь матеріалы для законодателей.

Прошло пятьдесятъ лѣтъ; миновались революціи: Франція испытала нѣсколько „режимовъ“, но „богачи“ попрежнему считаютъ себя сильными и бѣдныхъ называютъ слабыми, хотя и ухаживаютъ за ними, задабривая и задаривая передъ выборами въ депутаты; а вопросъ, поставленный Блондэ, попрежнему остается вопросомъ: „le législateur de demain“ все еще не явился. Съ Бальзака зародилось лишь новое направленіе въ народнической литературѣ, которое встрѣтило и порицателей и продолжателей, на западѣ и у насъ. У насъ, первоначально, направленіе Жюль Сандъ естественно должно было вызвать больше сочувствія у передовыхъ нашихъ писателей 40-хъ

годовъ, такъ какъ условія жизни были иныя и идеалистическое направление въ пользу тѣхъ, кого мы съ большимъ правомъ, чѣмъ на Западѣ въ то время, называли „слабыми“ и угнетенными, — это направление у насъ только возникло въ ту пору, когда Бальзакъ вступилъ съ нимъ въ борьбу во Франціи. Мы видѣли, что Эмиль Бловдэ ссылается прежде всего на Руссо, усматривая какъ бы осуществленіе его идей въ наступленіи мужицкаго царства *). Это крайность; но, дѣйствительно, именно Руссо принадлежитъ починъ въ той идеализаціи народа, которая получила особое развитіе въ періодъ романтизма. Еще отвѣчая на тему, предложенную Дижонскою академіей въ 1750 году — о причинахъ неравенства между людьми и оправдывается ли оно законами природы, — Руссо выступилъ съ новой тогда теоріей, которой суждено было долго тревожить умы своей смѣлостью, своей заманчивостью въ отвлеченіи и практической несостоятельностью. „Человѣкъ по сущности добръ“, — утверждалъ онъ. Природа надѣлила его наилучшими качествами, но общество развратило. „Первобытное состояніе самое счастливое, ибо человѣкъ рожденъ свободнымъ, а въ цивилизованной жизни онъ вездѣ скованъ цѣпями“. Руссо намѣчалъ типъ первобытнаго человѣка — *l'homme de la nature* — на чисто отвлеченной почвѣ, внѣ пространства и времени. „Начнемъ съ того, — писалъ онъ, — что отстранимъ всѣ факты, ибо они не имѣютъ отношенія къ вопросу“. Не историческія истины предполагалъ онъ излагать, а „гипотезы, условныя разсужденія, цѣль которыхъ выяснитъ сущность явленій (*la nature des choses*), а не ихъ происхожденіе“.

Однако, людямъ не свойственно оставаться исключительно на почвѣ чистыхъ отвлеченій, абстракта. Всякая теорія нуждается въ примѣненіи — или для провѣрки ея состоятельности, или просто для проясненія.

И вотъ, отвлеченный образъ „человѣка природы“ вскорѣ принялъ конкретную форму: сперва онъ былъ отождествленъ, несмотря на протесты Руссо, съ уцѣлѣвшими представителями первобытной культуры въ заатлантическихъ странахъ, и вызвалъ поэтические разсказы о жизни дикарей въ дѣвственныхъ лѣсахъ и пустыняхъ.

Съ другой стороны, въ центрѣ цивилизованной жизни естественно было обратиться къ тому классу общества, котораго всего менѣе коснулась цивилизація, къ простому народу, или къ крестьянству въ

*) Быть можетъ, Бальзакъ не случайно назвалъ своего героя Эмилемъ, а имѣя въ виду извѣстный романъ Ж. Ж. Руссо, съ цѣлью противопоставить именно герою Руссо человѣка, воспитаннаго на септиментальныхъ теоріяхъ конца прошлаго вѣка, но утрачивающаго свои иллюзіи при столкновеніи съ дѣйствительностью.

широкомъ смыслѣ слова. Если признавать, что цивилизація имѣетъ и обратныя стороны, то именно тѣ положительныя, природныя качества, которыя утрачиваются при стѣснительныхъ, ненормальныхъ условіяхъ культурной жизни, должны были уцѣлѣть прежде всего въ средѣ простого народа... Такъ естественно зародилась идеализація крестьянскаго быта.

Конечно, не однѣ мечты о томъ, чтобы найти, такъ сказать, воочію „человѣка“ природы, или найти хоть нѣкоторыя изъ его положительныхъ свойствъ въ крестьянинѣ, не однѣ эти мечты вызвали расцвѣтъ народнической литературы въ нашемъ вѣкѣ: тутъ участвовало много другихъ факторовъ — социальныхъ, экономическихъ, художественныхъ, политическихъ и даже психологическихъ; они въ разной степени содѣйствовали интересу къ изображенію въ литературѣ — не только культурныхъ классовъ общества, а также низшихъ слоевъ его.

Однако, идеи Руссо имѣли несомнѣнное вліяніе, и его оптимизмъ служить типичнымъ предшественникомъ многихъ позднѣйшихъ учений „народничества“.

Въ литературѣ движеніе шло волнами, съ колебаніями вверхъ и внизъ, съ чередованіемъ періодовъ увлеченія, довѣрія, идеализаціи и интюзій и реакціи въ обратную сторону.

Нынѣ, у насъ, А. П. Чеховъ въ своемъ недавнемъ разсказѣ о „Мужикахъ“ вернулся, на разстояніи полувѣка, къ точкѣ зрѣнія на крестьянъ Бальзака: оба произведенія сходны по выводамъ, связаны общностью пессимистическаго настроенія ихъ авторовъ, и это послужило намъ поводомъ сопоставить ихъ, при всемъ отличіи въ объемѣ произведеній, въ приѣмахъ творчества и характерной индивидуальности обоихъ авторовъ — о чемъ рѣчь ниже. Но такъ какъ выводы получались односторонніе, я счелъ уместнымъ дополнить ихъ характеристикой литературнаго творчества В. Г. Короленко, по поводу его послѣдняго очерка „Надъ Лиманомъ“, также изъ народнаго быта. Короленко досказываетъ то, что опущено другими, т.-е. Бальзакомъ и Чеховымъ: онъ служитъ имъ въ извѣстномъ смыслѣ противовѣсомъ, является примиряющимъ звеномъ между двумя крайностями — какъ чрезмѣрной идеализаціи „человѣка природы“, такъ и слишкомъ рѣзкихъ, огульно-отрицательныхъ сужденій о „мужикѣ“.

Обратимся сперва къ произведенію Бальзака.

I.

Романъ Бальзака нельзя читать, какъ читаются обыкновенные романы: его приходится почти-что изучать; слишкомъ много въ немъ

всякаго рода вставокъ, отступленій, экскурсовъ въ сторону, соображеній автора „отъ себя“; дѣйствующихъ лицъ невѣроятное количество, и объ каждомъ изъ нихъ говорится такъ обстоятельно, такъ пространно, что они заслоняютъ собою главную канву разсказа. Въ картинѣ мало перспективы, планировки. Всѣ фигуры, главные и второстепенныя, выписаны слишкомъ детально и загромаждаютъ другъ друга. Въ общемъ чтеніе этого произведенія, гдѣ часто теряется изъ виду основная нить, нѣсколько утомительно, и только отдѣльными оазисами выступаютъ эпизодическія сцены, въ которыхъ проявляется во всей силѣ мастерство художника *). Внѣшнюю завязку романа служить, какъ выше упомянуто, т.-е. и завязкой, и развязкой—пріѣздъ журналиста Эмиля Блонде въ имѣніе генерала де-Монкорне (въ Эгъ, близъ Сулавжа), за женой котораго, урожденною маркизою де-Труавиль, онъ ухаживалъ еще при жизни генерала, пользовался ея взаимностью и теперь состоитъ въ извѣстной роли „друга дома“. Генераль — бывший герой Наполеоновскихъ кампаній, приобрѣлъ большія помѣстья въ Бургундіи. Онъ задумалъ поселиться въ деревнѣ, гдѣ хочетъ хозяйничать самостоятельно, хотѣлъ бы встать въ дружественныя отношенія съ крестьянами, не прочь даже оказывать имъ благотворенія, но планы его не удаются. Противъ него организуется цѣлая коалиція, во главѣ которой становятся — уволенный имъ управляющій имѣнія Гобертанъ, и его замѣститель Сибиле, дѣйствующій заодно съ Гобертаномъ, чтобы вынудить генерала отказаться отъ хозяйства.

Не будемъ останавливаться на перипетіяхъ этой борьбы, которая во всякомъ случаѣ продолжалась недолго: у Монкорне былъ только одинъ человекъ, безусловно ему преданный, неподкупной честности, — это его главный лѣсничій Мишо, бывший гвардеецъ: но онъ убитъ въ засадѣ крестьянами, недовольными его строгими порядками. Жена Мишо умираетъ, разрѣшившись мертворожденнымъ ребенкомъ, подъ впечатлѣніемъ трагической смерти мужа. Все противъ генерала, не-

*) Экскурсы разнообразнаго характера: Бальзакъ то вдается въ научныя объясненія происхожденія какого-нибудь физическаго явленія — напримѣръ, зимнихъ пастбищъ для скота въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи и сѣверной Италіи; то опредѣляетъ значеніе Наполеона въ народныхъ представленіяхъ; то высказываетъ попутныя сужденія о Мольерѣ, Поль Луи Курье, объ испанской комедіи и ея вліяніи на французскій театръ въ XVIII вѣкѣ, о Буало и неудачныхъ попыткахъ создать шутиливый эносъ во Франціи и т. д. Самостоятельно взятыя, эти замѣчанія небезынтересны, свидѣтельствуя о чрезвычайной пылкости ума Бальзака, который старался найти отвѣтъ на всѣ вопросы, приходившіе ему въ голову. Но нельзя не признать также, что они очень затягиваютъ изложеніе романа и нарушаютъ художественную цѣльность впечатлѣнія.

смотря на то, что онъ стоитъ на почвѣ строгой законности и выказываетъ даже великодушіе, неоднократно милуя провинившихся мародеровъ. Наконецъ, онъ самъ попадаетъ въ засаду, какъ и Мишо: но крестьянинъ (Бопнебо), которому выпалъ жребій застрѣлить Монкорнэ, даруетъ ему жизнь—за нѣсколько десятинъ земли. Генераль сдается, продаетъ имѣніе и оно попадаетъ въ руки кулакамъ, которые вели противъ него интригу. Черезъ нѣсколько лѣтъ ген. Монкорнэ умираетъ, оставивъ все же довольно крупное наследство женѣ, а Эмиль Блондэ, которому не повезло на почвѣ журналистики, женится на своей прежней страсти—вдовѣ генерала, и вотъ, проѣзжая случайно мимо Эгъ, гдѣ онъ провелъ первые счастливые дни со своей возлюбленной, онъ застаётъ на мѣстѣ прежней усадьбы совершенно иную картину: „Мѣстность была неузнаваема. Таинственные роши, аллеи парка, все это было скрыто. Деревенскій ландшафтъ (la campagne) походилъ на картонъ съ образчиками у портного. Мужикъ овладѣлъ землей, какъ побѣдитель и завоеватель. Она была уже раздроблена на тысячу участковъ, и народонаселеніе между Коншами и Бланши утроилось“. Эта картина и вызвала вышеприведенное восклицанье Блондэ, на которомъ заканчивается романъ.

Строго говоря, побѣдили не сами мужики, которые лишь воспользовались вторичною перепродажей имѣнія: главная борьба происходила между Монкорнэ и мѣстными кулаками — буржуа, болѣе всего и нажившимся при продажѣ и раздѣлѣ имѣнія Эгъ. Однако, участие крестьянъ въ этой борьбѣ выразилось тѣмъ, что они оказали вначалѣ пассивную, а подъ конецъ вполне активную поддержку партіи Гобертэна, перешли на его сторону, т.-е. на сторону неправого хищника противъ честнаго человѣка, признавъ въ этомъ большую для себя выгоду, чѣмъ „лояльныя“ отношенія съ помѣщикомъ, стоявшимъ на почвѣ законности и правовыхъ порядковъ. Послѣдствія оправдали ихъ безсознательное предпочтеніе партіи хищниковъ: главный кушъ достался послѣднимъ, но выгадали и крестьяне. На чемъ же основывалась эта интимная связь кулачества и крестьянства? Что сближало ихъ? Вопросъ этотъ имѣетъ двѣ стороны, на которыя Бальзакъ и отвѣтилъ, съ одной стороны — характеристикой крестьянства, съ другой — поставленнымъ, но не разрѣшеннымъ социальнымъ вопросомъ. „Въ описываемой драмѣ,—говоритъ онъ,—крестьяне представляются столь необходимыми участниками дѣйствія, что можетъ возникнуть сомнѣніе, не имъ ли (а не героямъ романа) слѣдуетъ приписать первую роль (les paysans sont... des comparses si nécessaires à l'action qu'on hésitera peut être entre eux et les premiers roles). Имъ вѣстственно, особое вниманіе отведено описанію ихъ быта, нра-

вовъ, этики въ широкомъ смыслѣ слова. Что касается другой стороны вопроса, т.-е. социальной проблемы, то она намѣчается лишь вскользь: симпатія автора какъ будто на сторонѣ Монкерна, но онъ констатируетъ неизбежное дробленіе поземельной собственности, какъ историческій законъ. „Если не перемѣнять гражданского законодательства,—пишетъ Бальзакъ,—черезъ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ едва останется сотня крупныхъ помѣстій во Франціи“. Далѣе онъ цитируетъ слова одной „пожилыя дамы“ стараго режима, которая заявила, что съ 1830 года не покидаетъ Парижа: „Я больше не ѣзжу въ помѣстья, съ тѣхъ поръ какъ замки обратились въ фермы“. „Что же произойдетъ,—спрашиваетъ Бальзакъ,—въ концѣ концовъ изъ этой борьбы, все болѣе и болѣе жгучей, человѣка съ человѣкомъ, богатаго съ бѣднымъ?“ Въ другомъ мѣстѣ онъ ссылается на коммунизмъ: „cette logique vivante et agissante de la démocratie“; въ третьемъ — разъясняетъ, какъ нужно правильно понимать привилегіи дворянства, стараясь оправдать ихъ *raison d'être*, и т. д. и т. д. Теоретическія соображенія автора по этому вопросу мы оставимъ въ сторонѣ, какъ наименѣе интересныя въ устахъ художника, забывшаго свое обѣщаніе представить лишь матеріалы для будущаго законодателя и, по неосмотрительности, попробовавшаго самовольно принять эту роль на себя... Въ какихъ же основныхъ чертахъ описываетъ Бальзакъ крестьянство?

Въ изложеніи авторъ нѣсколько двоятся: съ одной стороны, мы имѣемъ рядъ живыхъ характеристикъ, мастерски намѣченныхъ типовъ и чрезвычайно яркихъ, колоритно написанныхъ сценъ; съ другой—теоретическія соображенія самого автора, разсужденія „по поводу“, болѣе или менѣе удачныя обобщенія конкретныхъ случаевъ. Дѣйствующія лица „фигурантовъ“ (*comparses*) романа, какъ выразился Бальзакъ, „статистовъ, которые соперничаютъ въ значеніи съ актерами, играющими первыя роли“, представляются въ слѣдующей группировкѣ. На первомъ планѣ—семья кабатчика Франсуа Тонсаръ, члены которой одинъ другого хуже. Самъ хозяинъ—эгоистъ и лѣнтяй: правда, онъ могъ быть и хорошимъ работникомъ, когда дѣло шло о его личныхъ интересахъ, но обыкновенно выѣзжалъ за счетъ другихъ, и главной мечтой его было—устроить себѣ спокойную и беззаботную жизнь лодыря. Женившись по расчету на дочери зажиточнаго фермера и школьнаго учителя Фуршона, онъ нѣсколько ошибся въ ожиданіяхъ—Фуршонъ послѣ смерти жены сталъ горькимъ пьяницей, лишился мѣста и достатка, опустился, излѣнился, сталъ зятю не источникомъ доходовъ, а бременемъ: „le gendre paresseux rencontra par un accident ordinaire un beau-père fainéant“.

Его дочь, жена Тонсара, красивая деревенская баба, но плохая работница въ постѣ. Съ тѣми же наклонностями къ жизни „себѣ въ сласть“, къ лѣни, къ распутству, какъ и самъ Тонсаръ, она, выдержавъ въ некоторое время суровое обращеніе мужа, который вымещалъ на ней свою тоску въ несбывшихся надеждахъ на состояніе Фуршона, вскоре сумѣла тоже забрать его въ свои руки, потакая его слабостямъ, поощряя въ порокахъ, и затѣмъ сама приобрѣла многочисленныхъ и выгодныхъ посѣтителей кабака, не отличаясь въ разборчивости средствъ привлеченія кліентовъ. Мужъ смотѣлъ сквозь пальцы на невѣрности жены, довольный результатами получекъ, никогда не спрашивая, откуда онѣ. Двѣ дочери Тонсаръ пошли по стопамъ матери и славились въ околodкѣ своей доступностью. Сыновья, особенно старшій — Николай, отличались тоже безпорядочностью жизни и сластолюбивыми наклонностями. Дѣлъ, старикъ Фуршонъ, какъ сказано, былъ и бездѣльникъ, кормится тѣмъ, что подписывается за неграмотныхъ, но промышляетъ также продѣлками надъ обитателями и посѣтителемъ кабака, выманивая у нихъ деньги хитростью и обманомъ. Такъ, съ самаго начала романа, Эмплъ Блондэ становится „жертвой“ ловкого проделки Фуршона съ поимкой нурка, будто испуганнаго Блондэ, и Фуршонъ заставляетъ его вдвойнѣ заплатить: сцена эта, мастерски написанная, одна изъ лучшихъ „страницъ“ въ бытовыхъ разсказахъ Бальзака. Неизмѣннымъ спутникомъ и помощникомъ Фуршона въ его продѣлкахъ служитъ мальчуганъ Мушъ, сирота, испорченный и развращенный преждевременнымъ „развитіемъ“. У него товарищъ — такой-же бродяга — Вермишель, мѣстный музыкантъ на свадьбахъ и поспѣлкахъ. „Мушъ и Вермишель, — говоритъ Бальзакъ, — связанные порокомъ, какъ нѣкогда Менторъ и Телемакъ были соединены добродѣтью, отправлялись такъ же, какъ они, въ поиски за хлѣбомъ — *panis angelorum*, — единственное латинское выраженіе, которое осталось въ памяти прежняго школьнаго учителя“. Приобрѣтенное Фуршономъ — безцеремонно отбирается у него дочерью или зятемъ: мы присутствуемъ при рядѣ возмутительныхъ сценъ взаимнаго надувательства, грубости обращенія и крайне распущенныхъ нравовъ. Последнее Бальзакъ считаетъ неотъемлемымъ свойствомъ крестьянскаго населенія, „Замѣчу разъ навсегда, — говоритъ онъ, — лицамъ, привыкшимъ къ добропорядочности нравовъ въ буржуазныхъ семьяхъ, что у крестьянъ нѣтъ никакой сдержанности въ смыслѣ семейной нравственности (*Les paysans n'ont en fait de mœurs domestiques aucune délicatesse*). Они возбуждаютъ вопросъ объ оскверненіи чести по поводу соблазненныхъ дѣвушекъ только въ томъ случаѣ, когда соблазнитель богатъ и тру-

сливъ. Дѣти для крестьянъ — источникъ доходовъ (капиталь) или орудіе благополучія, пока государство не отниметъ ихъ для себя. Выгода служить, особенно съ 1789 года, единственнымъ двигателемъ міросозерцанія крестьянъ; они никогда не ставятъ вопроса, нравствененъ или беззаконенъ данный образъ дѣйствій, а только — выгоденъ ли онъ? Нравственность, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ религіозностью, начинается только тогда, когда есть достатокъ (*La moralité, qu'il ne faut pas confondre avec la religion, commence à l'aisance*)... „Человѣкъ безусловно честный и нравственный представляется исключеніемъ въ крестьянскомъ сословіи.“ Далѣе Бальзакъ указываетъ на причины такого явленія, ссылаясь на то обстоятельство, что крестьяне, по самой сущности рода ихъ занятій, ведутъ образъ жизни на чисто матеріалистическихъ началахъ, близкій къ состоянію дикарей въ постоянномъ общеніи съ природою. Трудъ непосильный, обременяетъло, лишаетъ мысль ея облагораживающаго вліянія (*son action purifiante*), — особенно у людей невѣжественныхъ. Наконецъ, дескать, для крестьянъ ихъ нищета составляетъ ихъ „raison d'état“, по выраженію аббата Броссеттъ (одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа). На этой почвѣ — полного отсутствія нравственнаго начала, Бальзакъ отмѣчаетъ рядъ другихъ свойствъ отрицательнаго характера, присущихъ крестьянству. Такъ, параллельно отсутствію нравственнаго чувства въ обыкновенномъ смыслѣ слова, Бальзакъ указываетъ на крайнее озлобленіе и ненависть пролетарія и крестьянина къ „господамъ“, къ зажиточному классу. Основнымъ правиломъ образа дѣйствій ихъ служить принципъ утилитаризма, въ самомъ ограниченномъ пониманіи слова. Крестьянинъ хитеръ, но недалковиденъ. Онъ чуждъ всякаго стремленія къ совершенству, даже въ мелочахъ внѣшняго обихода. „Непогрѣшимый судья во всемъ томъ, что представляется существенной необходимостью (*juge infaillible des nécessités en toutes choses*), онъ знаетъ всѣ степени силы; знаетъ, какъ, работая на буржуа, за наименьшій трудъ получить наибольшую прибыль (*donner le moins possible pour le plus possible*). Бальзакъ отчасти объясняетъ современное ему положеніе духовнаго міра крестьянства — послѣдствіями великой революціи и тѣмъ разладомъ, который внесъ въ бытъ крестьянина идеями якобинцевъ и надеждой стать современнымъ абсолютнымъ и единственнымъ собственникомъ земли. Эти соображенія авторъ излагаетъ уже не прямо отъ себя, а вкладывая ихъ въ уста аббата Броссеттъ, одного изъ навсегда въ замка Эгъ, пастыря безъ паствы, такъ какъ крестьяне перестали посѣщать церковь, — но, преданнаго интересамъ церкви, при этомъ отнюдь не фанатика (*l'abbé Brossette voyait l'ensemble des choses et l'égoïsme ne*

gatait pas son ambition: servir était sa devise и т. д.). Не буду перечислять другихъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ: сказаннаго мнѣ представляется достаточнымъ, чтобы дать себѣ отчетъ, почему, съ точки зрѣнія Бальзака, крестьяне должны были стать на сторону шайки Гобертена и Сибилэ. Къ этимъ двумъ воякамъ заговора присоединился еще старшина общины—нѣкто Ригу, бывший монахъ-разстрига. Ригу женатъ на служанкѣ прежняго приходскаго священника, отъ котораго получилъ порядочное наслѣдство, именно чрезъ жену; теперь онъ главный ростовщикъ во всемъ окологдѣ, человѣкъ къ тому же грязный и развратный, растлѣвающій окрестныхъ дѣвочекъ-подростковъ; въ дѣлахъ—онъ вѣрный союзникъ компаніи Гобертена, плута-нотариуса Люпена и Сибилэ *). Хищническіе пропски этихъ лицъ не шли въ разрѣзъ съ міросозерцаніемъ крестьянъ; они умѣли разжигать страсти послѣднихъ, потакать ихъ слабостямъ и примаивать надеждой на будущій раздѣлъ земли, хотя бы при этомъ сами заработали крупные барыши. Такъ соединялись интересы двухъ близкихъ другъ другу типовъ: кулаковъ изъ буржуа и крестьянъ, добровольно ставшихъ на ихъ сторону. Между тѣмъ генераль, при всѣхъ его „допьяльных“ намѣреніяхъ, дѣлалъ рядъ безтактностей и промаховъ, и къ тому же въ глазахъ крестьянъ онъ былъ все же живымъ представителемъ прежнихъ феодальныхъ порядковъ, того барства, которому рѣшительный ударъ нанесъ 1789 годъ.

Бальзаку не разъ ставили въ укоръ, что при изображеніи крестьянства онъ слишкомъ односторонне останавливался лишь на отрицательныхъ явленіяхъ, не создалъ положительныхъ типовъ, ограничившись замѣчаніемъ, что таковые представляются въ средѣ крестьянъ лишь какъ исключенія. Однако, и въ данномъ романѣ есть одно лицо, которое не подходитъ подъ общую мѣрку и очерчено въ весьма симпатичныхъ краскахъ: это старый звонарь Низронъ, онъ же—могильщикъ, исполняющій также должность пономаря и пѣвчаго на клиросѣ; при всемъ томъ ярый республиканецъ и „свободомыслящій“. „Сгорбленный трудомъ, съ блѣднымъ, испытаннымъ лицомъ, съ серебристой сѣдиной волосъ, этотъ старый виноградарь,—замѣчаетъ Бальзакъ,—въ одномъ себѣ вмѣщалъ всю честность общины“. Дѣйствительно, человѣкъ строгихъ правилъ, справедливый, одинъ онъ осмѣливался осуждать незаконный образъ дѣйствія своихъ односельчанъ; онъ всѣмъ говоритъ правду въ глаза, и ни при какихъ обстоятельствахъ не покривитъ душой. Когда семья Тонсара издѣвается

*) Бальзакъ такъ и обозначилъ главу, въ которой разсказывается исторія этихъ лицъ—„une histoire de voleurs“.

надъ „нравственнымъ“ поведеніемъ дочери разжалованнаго старика, Куртеюиса, указывая, что: *il vaut mieux sauver son père que de laisser moisir sa vertu*! — Низронъ строго останавливаетъ Тонсара: „Отецъ долженъ быть блюстителемъ чести своихъ дочерей;—говорить онъ.—Именно поступая такъ, какъ вы дѣлаете, вы и навлекаете на насъ общее презрѣніе и народъ осуждаютъ, считая его недостойнымъ свободы. Народъ долженъ подавать богатымъ примѣръ гражданской добродѣтели (*vertus civiques*) и честнаго образа дѣйствій. Вы все продаете себя за деньги Ригу; все, сколько ни на есть васъ! Если вы не отдаете ему вашихъ дочерей, то отдаете вашу совѣсть. Худо это!“ Старикъ говорилъ рѣдко, но пользовался общимъ уваженіемъ и довѣріемъ; неоднократно къ нему обращались за совѣтомъ въ спорныхъ вопросахъ; знали его нелюбовь къ богачамъ, которыхъ онъ проклиналъ за безсердечіе и эгоизмъ, и бѣдняки считали его „своимъ человѣкомъ“. Былъ онъ когда-то предсѣдателемъ якобинскаго клуба въ *Ville aux Fayes* и, какъ сказано, „вольнодумцемъ“; но однажды его поразило замѣчаніе аббата Броссеттѣ, что истинная республика—въ евангеліи; онъ повѣрилъ этому и сталъ исполнять церковныя требы. Низронъ, въ перипетіяхъ романа Бальзака, играетъ роль, сходную съ Акимомъ во „Власти Тьмы“; да отчасти онъ и представляется французскимъ Акимомъ, съ типичными чертами французской народности, которая вполне ему свойственна и, соответственно, соблюдаютъ эти два родственные, но не тождественные типа.

Когда овладѣешь сложной канвой романа Бальзака, когда разберешься въ разныхъ его эпизодахъ и выдѣлишь *à parte*, такъ вредящія цѣлѣности впечатлѣнія, тогда и въ этомъ мало извѣстномъ книгѣ произведеніи его находишь все отличительныя качества мощнаго генія Бальзака, его удивительную наблюдательность, правдивость кисти, чуткость въ передачѣ мельчайшихъ подробностей дѣйствительности. Въ выводахъ онъ нѣсколько одностороненъ, въ теоріяхъ сбивчивъ, въ изложеніи расплывчатъ, въ веденіи интриги не всегда умѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно глубокъ, и та правда, которую онъ высказалъ о крестьянствѣ 50 лѣтъ тому назадъ, остается во многомъ правдой и при измѣнившихся или даже совершенно иныхъ условіяхъ жизни. Мнѣ кажется, что въ идейномъ содержаніи знаменитый „ученикъ“ Бальзака—Золя не прибавилъ ничего новаго въ своемъ романѣ „*La terre*“ къ тому, что замѣчено въ „Крестьянахъ“. А вдохновлялся онъ послѣднимъ произведеніемъ своего учителя не разъ, заимствуя нѣкоторые наиболѣе рельефные типы и отдѣльныя эпизоды, съ тою разницей, что тамъ, гдѣ Бальзакъ, намѣтивъ ситуацію, останавливался, довольствуясь указаніемъ про-

стой возможности факта, Золя сгущалъ краски, развивалъ, распространялся, настаивая на элементъ эротизма, котораго Бальзакъ вполне чуждъ. У послѣдняго—здоровый реализмъ уравнившей натуре: интересъ къ дѣлу художественно-философскій. У Золя—потребность въ приправахъ, свидѣтельствующая о нѣсколько уже испорченномъ вкусѣ, искаженіе внѣшнихъ эффектовъ и злоупотребленіе красками, техникой виртуоза въ ущербъ чистой идейности и строгой художественности. Конечно, въ этой техникѣ, въ виртуозности романиста, Золя опередилъ Бальзака; но, по сущности, я не вижу, чтобы „La terre“ и даже „Germinal“, дали много новаго по оцѣнкѣ крестьянства сравнительно съ „Les paysans“.

Впрочемъ, на преемникахъ Бальзака во Франціи я не имѣлъ въ виду останавливаться и перехожу прямо къ „Мужикамъ“ Чехова. Нѣсколько словъ о значеніи, вообще, народнической литературы въ нашемъ вѣкѣ будетъ сказано въ заключеніе.

II.

Есть прежде всего одна внѣшняя, случайная черта аналогій въ точкѣ зрѣнія, усвоенной тѣмъ и другимъ авторамъ, на которую я хотѣлъ бы обратить вниманіе. Бальзакъ отчасти прикрылся за личностью Эмпля Блондэ, который служить ему своего рода „угломъ зрѣнія“ при изображеніи крестьянскаго быта. Правда, онъ часто объ немъ забываетъ—вначалѣ выдвигаетъ на первый планъ, затѣмъ Блондэ играетъ вполне эпизодическую роль; авторъ повѣствуетъ отъ себя и вспоминаетъ о Блондэ лишь въ самомъ концѣ романа, чтобы завершить развязку. Зачѣмъ же Блондэ понадобился автору? А потому, что этотъ „горожанинъ“ полонъ иллюзіей насчетъ деревенской жизни; пріѣхавъ впервые въ Эгъ, онъ пишетъ восторженное письмо своему пріятелю о сельской идилліи, о блаженной Аркадіи, куда онъ попалъ, и на крестьянское населеніе склоненъ смотрѣть глазами то Купера, то Шатобріана, отождествляя мужиковъ съ опозитизированными героями американскихъ лѣсовъ и степей. Бальзаку нужно было разрушить иллюзіи своихъ современниковъ и ему представилось удобнѣе сперва объективировать то настроеніе, которое, быть можетъ, онъ раньше пережилъ отчасти и самъ, но нынѣ оно представлялось ему ложнымъ.

Не такую ли же роль играетъ въ началѣ разсказа Чехова—половой Чикильдѣевъ? Мнѣ кажется, что наши критики совершенно ошибочно толковали основную мысль разсказа Чехова, какъ противопоставленіе городского и сельскаго быта, какъ рѣшеніе вопроса—кому

и гдѣ лучше живется: рабочему въ городѣ или мужику въ деревнѣ; ошибочно признали въ Николаѣ какой-то „отъѣченный“ типъ полового, какъ представителя городской культуры *). Чикильдѣевъ не только воплощъ реальнѣйшій типъ, но настроеніе, которое побуждаетъ его покинуть городъ и ѣхать на отдыхъ въ деревню, поглотиться тамъ, гдѣ „и стѣны помогаютъ“,—это настроеніе свойственно девяти десятымъ рабочихъ въ городѣ изъ крестьянъ, въ какую бы обстановку они ни попадали, при какомъ бы дѣлѣ ни состояли—лакеями, дворниками, швейцарами и даже мастерами и т. д. Воспоминанія и иллюзіи дѣтства на всѣхъ вліяютъ одинаково: темныя стороны жизни сглаживаются и остается въ памяти лишь хорошее. И вотъ, въ душной городской атмосферѣ мерещится „вольный воздухъ“, просторъ деревни; полевая работа кажется здоровымъ и укрѣпляющимъ трудомъ въ сравненіи—особенно съ точки зрѣнія полового—съ свѣтливою, лихорадочною, на видъ столь непроизводительной дѣятельностью на побѣгушкахъ и въ зависимости отъ прихоти „господъ“. Въ деревнѣ крестьянинъ все же больше чувствуетъ себя собственнымъ хозяиномъ, въ зависимости лишь отъ одной, общей всѣмъ „владычицы“, т. е. природы. Въ воспоминаніяхъ дѣтства,—пишетъ Чеховъ,—родное гнѣздо представлялось (Чикильдѣеву) свѣтлымъ, уютнымъ, удобнымъ. У него, очевидно, были насчетъ деревни „свои“ иллюзіи, какъ и у Эмиля Блондэ свои, и обоимъ одинаково ожидало разочарованіе. Можно спорить о томъ, какой „приступъ“ давалъ болѣе благодарный матеріалъ для развитія сюжета; но, при случайномъ совпаденіи приемовъ композиціи въ началѣ разсказа у Бальзака и у Чехова, каждый авторъ сумѣлъ извлечь особыя выгоды изъ различія избранныхъ ими „героевъ“ разсказа для общей цѣли—характеристики крестьянства. Бальзакъ даетъ нѣсколько пропитческія обозначенія различнымъ главамъ своего романа: напр. „Буколика, забытая Виргиліемъ“; „Еще новая идиллія“; „Оаристисъ, XVIII эклога Теокрыта, которую не очень долюбиваютъ въ засѣданіяхъ суда“ и т. п. Чеховъ не писалъ романа: онъ не даетъ самостоятельнаго заглавія отдѣльнымъ главамъ; его задача ограниченнѣе, но извѣстная послѣдовательность въ „разочарованіяхъ“ Чикильдѣева несомнѣнна; и для него идиллическія мечты о покойной жизни въ деревнѣ нарушаются рядомъ тяжелыхъ сценъ, подготовляющихъ насъ къ тому моменту, когда авторъ будетъ продолжать разсказъ уже „отъ себя“

*) Столь же безотрадная характеристика жизни мастеровыхъ въ городѣ дана Чеховымъ въ другой его повѣсти „Моя жизнь“, п. если принять это во вниманіе, врядъ ли справедливо приписывать ему указанную апологию „городского рабочего“, которую Чеховъ едва ли имѣлъ въ виду.

или приподнимающа къ настроенію другого дѣйствующаго лица повѣсти, т. е. Ольги.

Задача Чехова, какъ сказано, проще, чѣмъ у Бальзака: онъ не изображаетъ столкновенія разныхъ сословій общества, а исключительно лишь одну рабочую среду. Вопросъ социальный—о правѣ на землю и дробленіи поземельной собственности не былъ имъ затрогнутъ, быть можетъ, отчасти въ силу разницы нашего общиннаго землевладѣнія и участковаго, какъ во Франціи. Но спрашивается, можно ли провести вообще аналогію между нашимъ теперешнимъ крестьянствомъ и французскимъ, пережившимъ событія конца прошлаго вѣка? *) Бальзакъ, какъ мы видѣли, склоненъ придавать большое значеніе, для характеристики міросозерцанія крестьянъ 20-хъ годовъ, тѣмъ плеямъ эмаиспадіи, которыя проникли въ народъ послѣ 1789 г. У насъ, какъ бы мирно ни совершилась реформа 1861 г., несомнѣнно, она оказала немаловажное вліяніе не только на матеріальный бытъ, но и на міросозерцаніе народа. Хотя аналогія 1789 и 1861 годовъ, конечно, не полная, но все же „воля“ внесла новую струю и въ духовную жизнь народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ пошатнула и нѣкоторые традиціонныя, такъ называемыя, „устои“ его созерцанія. Русскій народъ принято было считать глубоко религіознымъ: Чеховъ указалъ, насколько это мнѣніе теперь преувеличено. „Богатые мужики,—говоритъ онъ,—чѣмъ больше богатѣли, тѣмъ меньше вѣрили въ Бога и въ спасеніе души“. „Старикъ (отецъ Николая) не вѣрилъ въ Бога, потому что почти никогда не думалъ о немъ; онъ признавалъ сверхъестественное, но думалъ, что это можетъ касаться однихъ лишь бабъ“. Бабы (Марья и Фекла) „крестились, говѣли каждый годъ, но ничего не понимали. Дѣтей не учили молиться, ничего не говорили имъ о Богѣ, не внушали никакихъ правилъ и только запрещали въ постъ ѣсть скоромное“. Припомнимъ отвѣтъ Фуріона, у Бальзака, по поводу воспитанія Мушъ, о которомъ Блондэ его спрашиваетъ: „Да развѣ ему не говорятъ о Богѣ“, сказать аббатъ Броссатъ. „О, нѣтъ, нѣтъ, г. кюре, — отвѣтилъ Фур-

*) Кстати сдѣлаемъ оговорку, что, сравнивая писателей разныхъ національностей преимущественно съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ изображаемой средѣ, мы имѣемъ въ виду то „крестьянство“, то пониманіе „простого народа“, которое характеризуется общими чертами, какъ извѣстная стадія культурнаго развитія, независимо отъ этническихъ различій французской и русской народностей, въ разсмотрѣніе которыхъ мы здѣсь не входимъ. Но индивидуальныя различія отдельныхъ народныхъ особей не исключаютъ общности типа, подобно тому, какъ народная поэзія всѣхъ странъ характеризуется нѣкоторыми общими признаками, независимо отъ тѣхъ или другихъ особенностей, присущихъ специально народной словесности—русской, французской, нѣмецкой, итальянской и т. д.

шонъ,—мы ⁷перговоримъ ему, что надо бояться Бога, а только людей. Вы говорите, что Богъ добръ и обещаетъ намъ царство небесное, потому что богатымъ принадлежитъ царство земное. Я же говорю ему: Мунъ, бойся тюрьмы—оттуда выхлѣять, чтобы идти на эшафотъ. Не воруй, но умѣй заставить себя давать. Воровство приводитъ къ убійству, а за убійствомъ судъ найдетъ и слѣдствіе. Бритвы правосудія—вотъ чего надо бояться: она охраняетъ сонъ богатыхъ отъ безсонницы бѣдняковъ. Учись читать. Съ образованіемъ ты сумѣешь нажить деньги подъ покровомъ закона, какъ этотъ прекрасный г. Гобертанъ... Самое главное—быть около богатыхъ, всегда найдутся крохи подъ столомъ ихъ. Вотъ что я называю хорошимъ и основательнымъ воспитаніемъ. И мой щенокъ всегда на сторонѣ закона. Славный будетъ малый, меня не забудетъ...“ Фуршону нельзя отказывать, конечно, въ снабженіи „правилами“ своего воспитанника, даже весьма своеобразными,—но чѣмъ отличается отъ нихъ утилитарный кодексъ морали, который и безъ „воспитанія“ обыченъ въ простонародной средѣ? Фуршонъ сравниваетъ даѣе старое и новое время, которыя онъ пережилъ: „Бывѣску перемѣнили, — говоритъ онъ,—но вино все то же. Каждый день похожъ на предыдущій. Да развѣ мы на самомъ дѣлѣ освобождены? Мы принадлежимъ все той же деревнѣ, а баринъ нашъ все тутъ же: я называю его трудомъ... Все имущество наше въ заступѣ, который мы не выпускаемъ изъ рукъ. На господъ ли трудиться, или на уплату налоговъ — одинаково всю жизнь проводить въ потѣ лица.“ Итакъ, трудъ — тяжелый, непрерывный—вотъ главное оправданіе и вмѣстѣ съ тѣмъ и объясненіе ограниченнаго и матеріалистическаго кругозора крестьянъ, по Бальзаку, міросозерцанія, въ которомъ нѣтъ мѣста нравственному элементу. Тотъ же выводъ и то же оправданіе у Чехова: „Тяжкій трудъ, отъ котораго по ночамъ болить все тѣло, жестокія зимы, скудные урожан, тѣснота, а помощи нѣтъ и не-откуда ждать ее. Тѣ, которые богаче и сильнѣе ихъ, помочь не могутъ, такъ какъ сами грубы, нечестны, нетрезвы и сами бранятся такъ же отвратительно.“ И вотъ общее впечатлѣніе деревни сводится къ самымъ безотраднымъ выводамъ: „Бывали такіе дни и часы, когда казалось, что эти люди живутъ хуже скотовъ, жить съ ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы; живутъ несогласно, постоянно ссорятся, потому что не уважаютъ, боятся и подозреваютъ другъ друга. Кто держитъ кабакъ и спиваетъ народъ? Мужикъ... Кто украсть у сосѣда, поджогъ, ложно показать на судъ за бутылку водки? Мужикъ...“ и т. д. и т. д. Выводы въ общемъ совпадаютъ съ заключеніями Бальзака: многія изъ обобщеній послѣдняго вполне примѣнны и къ

точкѣ зрѣнія на крестьянство, усвоенной Чеховымъ. Но Бальзакъ идетъ еще дальше:—наблюдения дѣйствительности онъ возводитъ въ теорію: то, что есть—должно быть, ибо „правдивость начинается съ достаткомъ...“ Теорія нѣсколько парадоксальная и врядъ ли вполне состоятельная: мы не видимъ въ ней философскаго принципа, и правда, заключающаяся въ ней, есть лишь правда относительная, основанная на эмпири. Впрочемъ, мы ниже вернемся къ вопросу.

Чеховъ не излагаетъ теорій въ духѣ Бальзака; при сходствѣ выводовъ, общности настроенія и однородности наблюдений дѣйствительности, между обоими авторами огромная разница и въ пріемахъ, и въ процессахъ творчества, которую мы должны принять во вниманіе для правильной оцѣнки самостоятельнаго значенія каждаго изъ нихъ.

Съ точки зрѣнія конструціи романа и техническихъ пріемовъ творчества въ настоящее время, очевидно, уже немислимо писать такъ, какъ это дѣлалъ Бальзакъ: искусство пошло впередъ, и реалистическій романъ освободился изъ того хаоса попутныхъ наблюдений, экскурсовъ и слишкомъ подробной документальности виѣшнихъ описаній, которыми Бальзакъ нѣсколько злоупотреблялъ. Правда, недостатки романиста вытекали также изъ разносторонности его натуры, изъ необыкновенной бодрости и дѣятельности ума, но если и при такихъ условіяхъ онъ часто скученъ, то, не будь онъ такъ уменъ, онъ былъ бы порою невыносимъ. Какъ извѣстно, Тэнъ вмѣнялъ въ особую заслугу Бальзаку то, что „вмѣстѣ съ Шекспиромъ и Сень-Симономъ онъ является самымъ богатымъ складомъ документовъ о человѣческой природѣ (le plus grand magasin de documents que nous ayons sur la nature humaine).—Признавая за нимъ также способность схватывать впечатлѣнія цѣлаго, обобщать, уже Тэнъ вполне справедливо отмѣтилъ излишнюю обстоятельность многихъ описаній и склонность скорѣе именно описывать, чѣмъ писать: „une description n'est pas une peinture et Balzac croit souvent faire une peinture quand il n'a fait qu'une description“. Съ другой стороны, Фагэ правильно отмѣтилъ и выдѣлилъ въ Бальзакѣ-натуралистѣ и „романическаго романиста“,—un romancier romanesque,—особенность, которою онъ связанъ съ предшествовавшимъ и отчасти современнымъ ему поколѣніемъ писателей бульварныхъ романовъ, начинавшихъ тогда входить въ моду. Отсюда частныя неправдоподобности въ imbroglie его романовъ, запутанная, а иногда прямо невѣроятная интрига.

Въ рѣзкомъ отличіи съ этими, наиболѣе устарѣлыми, архаичными особенностями произведенія Бальзака представляется творчество Чехова. Ни длиннотъ, ни отступленій, ни сложныхъ интригъ. Чеховъ почти не описываетъ: онъ ощущаетъ и пишетъ крупными, рельеф-

ными чертами, оставляя большіе интервалы, тутъ же щеголяя мелкими подробностями, иногда совершенно неожиданными, но взятыми живьемъ съ натуры: онъ ихъ подмѣнить, видѣть, ощутить, не выдумалъ, и эти блѣстки сообщаютъ разсказу необычайную жизненность. Иной мелкій штрихъ замѣняетъ цѣлыя разсужденія. Вспомнимъ, напримѣръ, эту прелестную сцену съ „дондеже“ — слово, при чтеніи котораго всѣ присутствующіе расплакались: „первая—Ольга не удержалась и заплакала; на нее глядя, всхлинула Марья, потомъ сестра Ивана Макарыча. Старикъ закашлялся и засуетился, чтобы дать внучкѣ (прочитавшей стихъ изъ евангелія) гостинца, но ничего не нашелъ и только махнулъ рукой. И когда чтеніе кончилось, сосѣди разошлись по домамъ, растроганные и очень довольные и Ольгой, и Сашей.“ Развѣ это дѣйствуетъ не сильнѣе длинныхъ разсужденій о невѣжествѣ, узости кругозора и смутной потребности какой-то высшей, духовной жизни, которая здѣсь символизируется пока лишь въ странномъ, непонятномъ словѣ, звучащемъ какъ загадочная формула стариннаго заклинанія?

Въ другомъ мѣстѣ разсказа, гдѣ говорится о томъ, какъ носятъ образъ Живоносной по уѣзду, изъ деревни въ деревню, когда вся толпа старыхъ и молодыхъ бросилась къ иконѣ, протягивали руки, жадно глядѣли на нее и говорили, плача: „Заступница, Заступница!“ — „всѣ какъ будто поняли, что между землей и небомъ не все пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжелой невыносимой нужды, отъ страшной водки...“ Это ощущенія автора, но они—непосредственный отголосокъ представившейся ему картины, которой онъ не описываетъ, не наблюдаетъ со стороны, какъ посторонній зритель: онъ воспринимаетъ ее и передаетъ въ своихъ ощущеніяхъ, которыя до извѣстной степени отождествляются имъ съ ощущеніями дѣйствующихъ лицъ. Представится ли другая картина—пожаръ въ деревнѣ: авторъ опять не вдается въ обстоятельное описаніе пожара, а сообщаетъ лишь мгновенныя впечатлѣнія жизни, единственно возможные въ такую минуту: „Забили въ чугунную доску. Бемъ, бемъ, бемъ... понеслось по воздуху, и отъ этого частаго, неугомоннаго звона щемило за сердце и становилось холодно.“ Авторъ опять какъ бы отождествляетъ себя съ дѣйствующими лицами разсказа, воспринимая и ихъ ощущенія. На такую смѣлость, какъ этотъ „бемъ, бемъ...“ Бальзакъ врядъ ли бы рѣшился. Далѣе незначительная подробность „о ворономъ жеребцѣ“, котораго не пускали въ табунъ, такъ какъ онъ лгалъ и ранилъ лошадей, но теперь, пущенный на волю, топоча, со ржаньемъ пробѣжалъ по деревнѣ разъ, другой и вдругъ остановился около

телѣги и стать ее бить задними ногами. Нѣкоторые критики у насъ осудили эту черту: но именно въ суматску особенно ярко запечатлѣваются только такія мелкія подробности, и выдѣленіе этой черты, какъ нельзя лучше, характеризуетъ общее настроеніе смятенія, растерянности. Кому неизвѣстно, что, когда случится въ домѣ пожаръ, прежде всего хватаются за самыя ненужныя вещи, дѣлаются зачастую весьма нерациональныя распоряженія, обращается вниманіе только на то, что непосредственно передъ глазами, и именно мелочи тогда вырастаютъ, приобретаютъ какое-то необычайно важное значеніе. Онѣ одна только и отлагаются въ памяти и ассоціируются съ даннымъ настроеніемъ минуты. Дальнѣйшее изложеніе въ такомъ же родѣ. Пріемъ творчества Чехова—совсѣмъ особый, импрессиональный, если можно такъ выразиться; онъ несомнѣнно изъ „молодыхъ“, „un jeune“—по терминологіи Думика. Но, принадлежа къ новой школѣ по пріемамъ творчества, Чеховъ вполне индивидуаленъ по другимъ особенностямъ, и какъ бы ни отсутствовалъ авторъ съ замѣчаніями „отъ себя“, позволительно думать, что онъ вовсе не такъ безличенъ и безыдеенъ въ воспроизведеніи однихъ только ощущеній дѣйствительности, что кое-гдѣ онъ вкладываетъ и свое, именно „идейное“. На примѣръ, не характерно ли то обстоятельство, что въ уста Мары заглавной, забитой, въ конецъ изстрадавшейся бабы, которая, кромѣ побоевъ отъ мужа и брани, ничего вокругъ себя не видитъ,—послѣ рассказовъ о прежнихъ временахъ при крѣпостномъ правѣ, которе другіе хвалятъ, ибо все прошлое мило,—именно ей, и при томъ и другой день, вложено замѣчаніе: „Нѣтъ, воля лучше!...“ Развѣ вполне не предумышленно, что Ольга, наиболѣе терпѣвшая отъ брани и прелековъ распутной Ѳеклы, прикрываетъ ея позднее возвращеніе домой когда парни такъ зло наглумились надъ нею: „Домой безъ одежды шла... въ чемъ мать родила. Принеси одѣться.“ Бабка бранится с нею: „У, чтобы тебя, полуношница... нѣтъ на тебя погибели.“ „Ничего, ничего, — шептала Ольга, кутая Ѳеклу, —ничего, касатка.“ Этихъ штриховъ нѣсколько, и они наводятъ на сомнѣніе, чтобы авторъ „Мужиковъ“ согласился съ мнѣніемъ Бальзака, что „нравственность начинается только съ достаткомъ.“ Но въ общемъ, къ чему, и выводъ Чехова такъ же безотраденъ, какъ и Бальзака. Если можно разсматривать другую, незадолго передъ тѣмъ появившуюся его повѣсть „Моя жизнь“, какъ подготовительную ступень къ „Мужикамъ“, то и въ ней уже есть намеки на ту же общую характеристику крестьянства. Герой повѣсти, правда, упорствуетъ въ своей вѣрѣ въ „народъ“. Къ мужикамъ его „тянетъ“, хотя онъ признаетъ, что „въ большинствѣ—это нервные, раздраженные, оскорбленные люди“.

съ подавленнымъ воображеніемъ, невѣжественные, съ бѣднымъ, тусклымъ кругозоромъ, все съ одними и тѣми же мыслями о сѣрой землѣ, о сѣрыхъ дняхъ, о черномъ хлѣбѣ; люди, которые хитрили, по, какъ птицы, прятали за дѣрзиво только одну голову“, и т. д. „Однако, чувствовалось,—говорить герой повѣсти,—что жизнь мужицкая въ общемъ держится на какомъ-то крѣпкомъ, здоровомъ стержнѣ... Мужикъ вѣритъ, что главное на землѣ правда и что спасеніе его и всего народа въ одной лишь правдѣ, и потому больше всего на свѣтѣ онъ любитъ справедливость.“ Такъ разсуждаетъ „народникъ“, отчасти „толстовецъ“, но первая половина разсужденія весьма подрываетъ значеніе второй: еще одинъ шагъ—и „идлюзіи“ рухнутъ, если разсматривать народную вѣру въ торжество правды, какъ идлюзію интеллигентнаго человѣка, приписавшаго свое настроеніе простому народу. Уже Маша, въ „Моей жизни“, съ негодованіемъ створачивается отъ мужиковъ, которымъ хотѣла служить, и чувствуетъ къ нимъ какое-то отвращеніе.

Мы очень далеки отъ общественнаго настроенія конца 40-хъ годовъ, отъ того поворота къ народничеству, который у насъ выразился въ знаменательномъ литературномъ событіи, недавно отмѣченномъ юбилейными празднествами. Имѣю въ виду 50-лѣтіе выхода въ свѣтъ первыхъ очерковъ „Записокъ охотника“, „Антонъ Горемыкинъ“, основанія „Современника“... Правда, уже въ концѣ 50-хъ и особенно въ 60-хъ годахъ сказалась рѣзкая реакція противъ попытокъ идеализаціи крестьянскаго быта. Народники этого періода даже намѣренно сгущали краски въ изображеніи безотраднaго положенія крестьянства, всѣхъ отрицательныхъ сторонъ только что упраздненнаго крѣпостничества и его не уврачеванныхъ еще послѣдствій. Достаточно вспомнить знаменитый въ свое время романъ Рѣшетникова „Поддѣлщики“ (1863 г.) и произведенія Николая Успенскаго, значеніе которыхъ въ смыслѣ изображенія народа „безъ прикрасъ“ было отмѣчено еще Чернышевскимъ.

Но преобладающей темой въ народнической литературѣ 60-хъ годовъ становятся *страданія* русскаго народа; позже опять обратились къ его изученію и къ вопросу о его *значеніи* для интеллигентнаго класса.

Тогда, т.-е. съ начала 70-хъ годовъ, началась новая волна, новый подъемъ довѣрія къ народнымъ, подспуднымъ силамъ. „Ходили“ въ народъ—не только просвѣщать его, но и учиться. Въ простомъ народѣ видѣли спасеніе интеллигенціи, оторванной отъ родной почвы.

Стремленіе „опроститься“ вскорѣ получило философское обоснованіе: создаюсь новое міросозерцаніе, въ которомъ культъ „человѣка

природы“ опираются на нѣкоторомъ разочарованіи въ несбывшихся, презмѣрныхъ надеждахъ, возложенныхъ на науку и просвѣщеніе; въ пробудившемся сознаніи предѣльности человѣческаго ума, предѣльности знанія; въ реакціи противъ позитивизма и матеріализма, въ исканіи объекта вѣры; въ возвращеніи къ простотѣ, т.-е. къ основнымъ, вѣковѣчнымъ свойствамъ человѣческой природы, отъ которыхъ, дескать, „умствованія“ отвлекли насъ: цивилизованные люди „исхирились“. Основы жизни расшатаны. Нужно вернуться къ первобытному состоянію, чтобы пріобрѣсти запасъ свѣжихъ, здоровыхъ силъ, возстановить цѣльность человѣка, цѣльность, нарушенную въ ненормальныхъ, зачастую даже уродливыхъ, зловредныхъ условіяхъ культурной или quasi-культурной жизни. Врядъ ли мнѣ нужно напоминать объ ученіи одного изъ величайшихъ русскихъ писателей, имя котораго послужило кличкой для цѣлаго направленія, охватившаго значительную часть нашей молодежи въ 80-хъ годахъ. „Интеллигентныя колоніи“ явились показателемъ этого движенія, этого бѣгства отъ цивилизаціи и стремленія слиться съ простымъ народомъ.

Ожили идеи Руссо и воскресъ мифъ о „природныхъ качествахъ“, которыми онъ надѣлялъ первобытнаго человѣка, настаивая на отрицательныхъ сторонахъ цивилизованной жизни.

Но и эта волна, завернувъ свой гребень, стала опускаться. Она отхлынула назадъ, разбившись о новыя препятствія, которыя возникаютъ всякій разъ, когда вѣчно колеблющееся море человѣческой мысли рассчитываетъ достигъ до надежной гавани и разлиться въ ней невозмутимо-спокойною, зеркальною гладью... „Мужикъ“ не оказался на высотѣ нашихъ иллюзій. И вотъ, въ то время, когда даже у Глѣба Успенскаго, который отнюдь не скрывалъ отрицательныхъ сторонъ крестьянства, даже у него „масса русскаго народа“ характеризуется словами: „молода душою, мужественно-сильна и дѣтски-кротка“; „къ народу, — писалъ Успенскій, — мы идемъ за исцѣленіемъ душевныхъ мукъ“ (Власть земли), — у Чехова отношеніе иное. Не исцѣляющее, а глубоко удручающее впечатлѣніе вынесъ онъ изъ соприкосновенія съ мужицкимъ міромъ. И авторъ — не прежній отрицатель 60-хъ годовъ, намѣренно сгущающій краски съ тенденціозною цѣлью; и не просто отрицатель, непонимающій или нежелающій видѣть другихъ сторонъ народной жизни: Чеховъ знаменуетъ особый моментъ въ исторіи духовной жизни нашего общества. Онъ смотритъ на мужиковъ съ точки зрѣнія своей индивидуальности, судить о нихъ по отношенію къ сложившемуся ранѣе у него міросозерцанію. И вотъ, въ этихъ, кажущихся безличными, отрывочныхъ образахъ и впечатлѣніяхъ жизни вы словно чувствуете признаніе человѣка, у котораго

накопились наболѣвшія, быть можетъ, мучительно пережитыя разочарованія насчетъ совершенствъ „*l'homme de la nature*“. Психологическій моментъ тотъ же, къѣмъ бы ни представлялся этотъ первобытный человѣкъ—дикаремъ американскихъ лѣсовъ, французскимъ „пейзаномъ“ или русскимъ „мужиномъ“.

Вотъ что, на мой взглядъ, сближаетъ послѣднее произведеніе Чехова съ „Крестьянами“ Бальзака, имѣвшими то же значеніе во Франціи 50 лѣтъ назадъ. Аналогія, на мой взглядъ, несомнѣнна, несмотря на всѣ отличія въ объемѣ, въ ширинѣ поставленной задачи и въ приемахъ творчества.

Въ оцѣнкѣ „Мужиковъ“ Чехова мнѣнія, какъ извѣстно, раздѣлились; но страстность, съ которою критика отнеслась къ этому произведенію, свидѣтельствуетъ, до какой степени вопросъ жгучій. Мнѣнія же должны были раздѣлиться, въ зависимости отъ того, кто въ какомъ отношеніи стоялъ къ предшествовавшему теченію мысли, къ такъ называемой „толстовщинѣ“, къ ученіямъ о томъ, что цивилизація заключаетъ въ себѣ много отрицательныхъ сторонъ, что у народа надо учиться, какъ жить, и т. д. Тому, кто въ это вѣрилъ, Чеховъ отвѣтилъ, что, на его взглядъ, учиться у мужиковъ — нечему. Затѣмъ, въ его лицѣ, извѣстная группа молодыхъ дѣятелей привѣтствовала взгляды, отвѣчающіе экономическимъ теоріямъ новѣйшей формации, отъ которыхъ нашъ авторъ, быть можетъ, стоитъ всторонѣ. Третьи словно обидѣлись начертанной картины жизни „мужиковъ“, какъ не соответствующей идеальнымъ представленіямъ о народѣ. Иные, наконецъ, просто не повѣрили Чехову: „Откуда, — говорятъ, — онъ взялъ своихъ мужиковъ? Мы не знаемъ, не видѣли такихъ ужасовъ.“ „Ужасы“ бываютъ, конечно, и большіе, и это извѣстно всякому, сколько-нибудь знакомому съ крестьянскимъ бытомъ не по однимъ формальнымъ отношеніямъ помѣщика къ своимъ „пейзанамъ“. Единодушія въ оцѣнкѣ быть не можетъ, даже при общемъ признаніи таланта автора, но если поставить его произведеніе въ то русло, по которому направлялось извѣстное теченіе мысли, вызвавшее его появленіе, — это русло послужитъ естественной рамкой созданной картины, отгнать ея значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ указать границы: не вся правда жизни представлена въ ней.

Сходясь съ Бальзакомъ въ отрицательныхъ выводахъ о крестьянствѣ и выступая, тѣмъ самымъ, сторонникомъ культуры, Чеховъ, однако, въ отличіе отъ него не рисуетъ намъ побѣды „слабыхъ“ или тѣхъ, кого, по выраженію Бальзака, „привыкли называть слабыми“. Между тѣмъ дробленіе собственности крупныхъ землевладѣльцевъ и переходъ земли къ крестьянамъ происходитъ и у насъ при-

мѣрно такъ же, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія во Франціи. Многія усадьбы также пустѣютъ, парки и сады обращаются въ пастбища, отходятъ подъ пашню; помѣщики переселились въ города, и т. д. Заключительная глава у Чехова проникнута глубоко-гуманнымъ чувствомъ, которое осталось чуждымъ Бальзаку. Послѣдній испугался за нарушение общественнаго строя и порядка; его опасенія не сбылись. Чеховъ заканчиваетъ рассказъ потрясающимъ въ своей простотѣ возгласомъ-мольбой осиротѣлыхъ Ольги и Саши: „Православные христіане, подайте милостыню Христа-ради“. Мнѣ кажется, что въ *этомъ* разница настроенія обонхъ авторовъ несомнѣнна и очевидна, и врядъ ли приходится задумываться надъ вопросомъ—у кого оно выше?

III.

Итакъ, правда, сказанная Бальзакомъ о крестьянахъ,—не вся правда о нихъ; и у Чехова—не вся правда о мужикахъ, хотя у него просвѣчиваютъ нѣкоторыя стороны жизни простого народа, которыя не указаны у Бальзака. Но рассказъ Чехова въ общемъ написанъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія индивидуальных ощущеній автора. Иная точка зрѣнія у Владимира Короленко, и если мы рѣшились сопоставить съ двумя разобранными произведеніями бѣглый набросокъ „Изъ записной книжки путешественника“, то именно принимая его, какъ показатель иного пріема творчества и нѣсколько иного отношенія къ объекту изученія.

Прежде всего, мы сразу переносимся въ особый міръ *духовной* жизни народа, въ „Некрасовскій корень“; мы въ средѣ раскольниковъ, сектантовъ; а въ чемъ, какъ не въ религіозныхъ движеніяхъ, въ сектантствѣ, наиболѣе проявляется *умственная* жизнь такъ называемаго некультурнаго класса людей? Пусть проявленія ея принимаютъ зачастую странную, нелѣпую форму, впадаютъ даже въ изувѣрство,—мысль бродитъ, потребность въ „умственной“ жизни есть; не все подавлено животными инстинктами, не все „человѣческое“ дремлетъ подъ грубостью первобытныхъ нравовъ. „Онъ... правильный-те законъ Господень,—говоритъ старикъ-раскольникъ въ рассказѣ Короленко,—ударилъ гдѣ-й-то, какъ шнуръ. Прямо, правильно. Да мы-то вотъ, шукаемъ его, да блукаемъ, какъ слѣпые, пайти не можемъ...“ „У землю лѣземъ“,—связилъ его товарищъ Иванъ, намекая на недавніе трагическіе случаи у сектантовъ въ Тирасполѣ, замуравленія живыхъ людей, чтобы не попасть въ перепись. Безотрадные результаты, по мысли, потребность въ духовной жизни придаютъ все же человѣческій обликъ „меньшой брати“, какъ бы она ни блуждала

и ни заблуждалась въ потёмкахъ невѣжества. Короленко не скрываетъ отрицательныхъ сторонъ жизни крестьянства, не отрицаетъ грубости, проявляющейся рельефно даже въ гостепріимствѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ самомъ началѣ очерка. Извѣстно, что такое „Праздникъ“ въ деревнѣ: почти сплошное пьянство, обжорство, насильственное „угощеніе“, и тутъ же непомѣрная брань, ругань, нерѣдко драки. Короленко вскользь отмѣчаетъ эти явленія: „старинное гостепріимство,—говоритъ онъ,—добродѣтель свирѣпая, почти чудовищная...“ „Въ избахъ стоялъ только пестройный гулъ, чавканье, отрывочныя и малопонятныя рѣчи“. Авторъ почувствовалъ скоро „что-то похожее на предсмертную тоску...“ Жизнь какъ-то сразу потеряла въ его глазахъ всю свою цѣну и даже чудесная рамка Сарыкоя, съ синимъ Лиманомъ и жемчужною цѣпью горъ на другой сторонѣ, опостылѣла до послѣдней степени. „Мнѣ казалось,—говоритъ онъ,—что на каждой горѣ закипаетъ по самовару, а отъ Лимана рѣшительно пахло ухой и яичницей...“ И авторъ проходит мимо, не распространяясь о томъ, что каждый пойметъ самъ, не вдаваясь въ описанія, въ духѣ Золя, крестьянскихъ пирушекъ; онъ знаетъ эту сторону жизни простого народа, въ благодушно-иронической формѣ отмѣтилъ ее, не настанывая, и идетъ дальше: его привлекаетъ исключительно внутренній духовный міръ „крестьянства“ тамъ, гдѣ онъ можетъ проявиться.

Съ Бальзакомъ у Короленко есть одна общая черта: это чрезвычайная колоритность языка въ передачѣ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ изъ простого народа. Короленко не только „ощущаетъ“, но такъ же, какъ Бальзакъ, наблюдаетъ и описываетъ дѣйствительность въ объективной формѣ. Его языкъ богатъ образными выраженіями: его стиль свободно переходитъ отъ выраженія субъективныхъ ощущеній автора къ художественной передачѣ своеобразнаго склада рѣчи описываемыхъ лицъ. По временамъ онъ какъ бы воплощается самъ въ выведенныя имъ лица, переживая съ ними ихъ настроенія, говоря отъ ихъ имени ихъ языкомъ. Но затѣмъ, съ необыкновенной яркостью выступаетъ личность автора, въ которомъ есть нѣчто большее, чѣмъ бытописатель, наблюдатель нравовъ, чѣмъ художникъ-жанристъ, пищущій картину съ природы. — въ немъ просвѣчиваетъ поэтъ-лирикъ, и недаромъ сравнивали нѣкоторые мѣста его произведеній „съ стихотвореніями въ прозѣ“. Есть такое мѣсто и въ настоящемъ очеркѣ, когда авторъ взойшелъ на Еникалейскую гору, надъ Лиманомъ, осматриваетъ развалины Гераклеи и сообщаетъ о настроеніи, которое его охватило при видѣ этихъ развалинъ. Настроеніе, быть можетъ, нѣсколько романтическаго характера, но правдивое.

вѣрное и пережитое *). Дѣйствительно, видъ развалинъ неизмѣнно располагаетъ къ грѣзамъ и думамъ; — дѣйствительно, есть въ нихъ „что-то особенное“, въ „этихъ мшистыхъ камняхъ и неправильныхъ изломахъ стѣнъ“, что-то, по выраженію автора, щемящее, проникнутое грустью почти до боли душевной и вмѣстѣ вѣющее въ душу страннымъ успокоеніемъ... „Не замѣчаешь, какъ летитъ время; бѣлыя облака тихо продвигаются въ пролетахъ бойницъ и оконъ; высоко въ небѣ паритъ хищная птица, и сухая трава колыхается и шепчетъ что-то, такъ доверчиво, какъ будто вы непременно должны ее понять, и такъ жалобно, потому что вы все-таки ее не понимаете. Проходятъ минуты, или часы, или годы... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ столѣтія, которыя пронеслись надъ этими стѣнами, не кажутся теперь минутами, а въ настоящія минуты не промчались въ душѣ призраки цѣлыхъ столѣтій...“ Вся эта страница и слѣдующая—чистѣйшая поэзія, словно какія-нибудь „Méditations“ Лямартина, и настроеніе выражено въ прекрасной прозаической рѣчи, гдѣ теплота чувства сливается съ глубокой думъ.

Короленко, какъ поэтъ, долженъ былъ подойти къ описанію дѣйствительности съ нѣсколько иной точки зрѣнія, чѣмъ писатели реалистическаго направленія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Соответственно, онъ характеризуетъ народное міросозерцаніе, считаясь съ его поэзіей, съ образными проявленіями народной мысли въ легендахъ и повѣрьяхъ. Фантастика играетъ вообще значительную роль въ произведеніяхъ Короленко, который придаетъ ей то или другое значеніе, избираетъ то канвой разсказа, то вводитъ какъ дополняющій элементъ къ характеристикѣ настроенія и самого автора, и дѣйствующихъ лицъ. Сживаясь съ народной душой, авторъ мыслить ея образами и дополняетъ наблюденія дѣйствительности легендарными чертами вымысла. Въ настоящемъ очеркѣ фантастика тоже не исключена: авторъ припоминаетъ старинную легенду о змѣѣ, который подземнымъ ходомъ пробирался (изъ пещеры на Енисейской горѣ) на островъ и ложился тамъ, глядя на степь и на море. — Съ тѣхъ поръ прошли столѣтія, смѣнялись поколѣнія одни за другими—„и такъ таяли поколѣнія,—замѣчаетъ авторъ,—какъ эти бѣлыя облака, плывущія по синему небу, какъ эти синія волны, ровными грядами набѣгающія на берегъ внизу, подъ моими ногами, въ умершемъ дунайскомъ руслѣ“.

* При несомнѣнномъ чувствѣ языка, музыкальности періода и красотѣ образовъ, В. Г. Короленко и въ настоящей превосходной страницѣ допустилъ фразу, которая не соответствуетъ общему тону изложенія. Конечно, предпочтительнѣе было бы не встрѣчать такихъ небрежностей стиля у писателя, обладающаго всеми данными, чтобы достигъ классической красоты формы.

Читатель подготовленъ этимъ преступномъ; онъ особо настроенъ и дальнѣйшій рассказъ объ „искателяхъ“ на горѣ представляется въ своеобразномъ освѣщеніи: эти типы бродятъ — Шумикъ, Филимонъ, Дудикъ — вырастаютъ сами въ какія-то фантастическія лица, на грани реальнаго и сверхъестественнаго, т.-е. обобщеннаго. Ихъ суевѣрія, предрасудки, странныя рассказы, въ которыхъ такъ своеобразно переплелись отзвуки глубокой старины мненческихъ вѣрованій съ отголосками новѣйшихъ явленій: и „меркурьевъ порожденіе“ и „мо-соны“ и „спиритизма“ — грубое невѣжество и смутные поиски за истиной (т.-е. опять тѣ же разговоры о томъ, какая вѣра *правильная*) — все это ложится на фонъ того вѣкового змѣя-великана, который когда-то жилъ въ темной пещерѣ, въ безпросвѣтномъ мракѣ, и выползая изъ нея посмотрѣть на вольный міръ Божій: его тянуло къ свѣту... И теперешніе „искатели“ тамъ, на верху горы — какой „кладъ“ они разыскиваютъ? однихъ ли только матеріальныхъ сокровищъ, зарытыхъ подъ спудомъ, толкуя о томъ, что „много отъ вѣры заблужденія бываетъ“?... Поэтическіе образы представляются въ рассказахъ Короленко до такой степени въ тѣсной связи, какъ бы слитыми съ содержаніемъ, что невольно видишь въ нихъ не простыя, случайныя воспоминанія автора, а нѣчто большее: въ нихъ чуются символы, угадываешь въ нихъ, быть можетъ, непроизвольный, ненамѣренный процессъ образнаго мышленія, который, тѣмъ не менѣе, и служитъ характерной чертой всякаго истиннаго поэта.

Какъ бы то ни было, благодаря особенностямъ творчества Короленко, благодаря его личному настроенію и особому отношенію къ народной жизни, — давая порой вполне объективно выпуклыя, яркія характеристики наружнаго быта и типовъ крестьянъ, онъ глубже проникаетъ въ народную душу и раскрываетъ такія ея стороны, которыя свидѣлствуютъ о подспудной, но неустанной работѣ мысли „мужика“. Вспомнимъ его „убивца“ въ рассказахъ сибирскаго турпста — этотъ своеобразный типъ также „искателя правды“, который добровольно отдаетъ себя въ заключеніе безвинно, а затѣмъ совершаетъ преступленіе — тоже безвинно, въ защиту чужой жизни, но кается: онъ вспылить, не выдержалъ, долженъ былъ бы не убить, а просто прикрутить злоумышленника. И опять тоска по Богѣ, по правильной вѣрѣ, по свѣту истины... и, наконецъ, искупленіе вины собственною, добровольною смертію... И все это въ „мужикѣ“ же. Прислушиваясь къ разнымъ толкамъ и спорамъ о „вѣрѣ“ среди раскольниковъ и сектантовъ, Короленко отмѣчаетъ въ разныхъ очеркахъ, сколько есть невѣжественнаго, схоластическаго, даже тупоумнаго въ разсужденіяхъ „книжниковъ“, народныхъ грамотѣевъ. Но

характерно слѣдующее замѣчаніе въ разсказѣ „Рѣка играетъ“: „И я думалъ: отчего же это такъ тяжело было мнѣ тамъ, на озерѣ, среди книжныхъ народныхъ разговоровъ, среди „умственныхъ“ мужиковъ и начетчиковъ, и такъ легко, такъ свободно на этой тихой рѣкѣ, съ этимъ стихійнымъ, безалабернымъ, распушеннымъ и вѣчно страждущимъ отъ похмельяго недуга перевозчикомъ Тюлинымъ? Откуда это чувство тяготы и разочарованія съ одной стороны, и облегченія—съ другой? Отчего на меня, тоже книжнаго человѣка, отъ *тѣхъ* вѣетъ такимъ холодомъ и отчужденностью, а этотъ кажется такимъ близкимъ и такъ хорошо знакомымъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ—„все это уже было когда-то“...

Въ этомъ замѣчаніи раскрывается глубокая, внутренняя связь автора съ простымъ народомъ, который дѣйствительно былъ когда-то и *нашимъ* прошлымъ, который ложится въ основу нашей духовной жизни, какъ часть цѣлаго въ своеобразномъ народномъ организмѣ. Но наслоенія культуры въ разбродъ разобили „сильныхъ“ и „слабыхъ“, мудрыхъ, просвѣщенныхъ и темный, сѣрый людъ. „Охъ, скоро ль будетъ день на святой Руси,—воскликаетъ Короленко въ другомъ разсказѣ—„Солнечное затменіе“,—когда разсѣются призраки, вѣроуіе, вражда и взаимныя недоразумѣнія между тѣми, кто смотритъ въ трубы и изслѣдуетъ небо, и тѣми, кто только принадлежитъ къ землѣ, а въ изслѣдованіи видитъ оскорбленіе грознаго Бога?“ И да-дѣе, когда затменіе кончилось: „Солнце, солнце... я почувствовалъ въ эту минуту, что этотъ первый проблескъ прогналъ прочь густо столпившіеся призраки предрасудка, предубѣжденія, вражду этой толпы?“... „Мелькнулъ свѣтъ—и мы стали опять братьями“... Это не прежній романтизмъ, не возвеличеніе „мѣньшей братіи“ подъ ореоломъ поэзіи на несоотвѣтствующій ей пьедесталъ, не „обожествленіе пролетарія“, противъ котораго вооружался Бальзакъ: Короленко, какъ художникъ, во многомъ не меньше реалистъ, чѣмъ Бальзакъ; но онъ смотритъ шире, проникаетъ глубже. И въ концѣ концовъ, припомнимъ, развѣ не также въ средѣ бродягъ, нищихъ, отщепенцевъ общества нашелъ впервые откликъ своей проповѣди Божественный Учитель изъ Назарета? Если принять это во вниманіе, то парадоксъ Бальзака, что „правдивность начинается съ достаткомъ“—выясняется уже граничащимъ съ абсурдомъ... Но Бальзакъ—пессимистъ, Бальзакъ—разрушитель иллюзіи, Бальзакъ—непреклонный борецъ за *третью* правду,—въ то же время онъ скептикъ и иногда оказывается въ противорѣчій съ самимъ собой: „я не вѣрю,—говоритъ онъ въ предисловіи къ „Комедіи человѣчества“,—въ безконечность прогресса, что касается обществъ (т.-е. социальной организаціи).

но я вѣрю въ прогрессъ человѣка надъ самимъ собой (*je crois au progrès de l'homme sur lui-même*). Въ такомъ случаѣ—зачатки этого прогресса, этого духовнаго развитія человѣка проходить черезъ всѣ стадіи эволюціи общества и должны быть также признапы и въ низшихъ слояхъ его. Затѣмъ, хотя бы абсолютный прогрессъ представлялся недостижимымъ въ соціальной организаціи, усовершенствованнѣе условія жизни представляются существенно необходимыми для „эволюціи“ нравственности: въ этомъ выводѣ всѣ три разсматриваемые нами писателя могутъ сойтись.

Въ итогѣ нашихъ бѣглыхъ замѣчаній по поводу совпаденія полувѣковой литературной годовщины „Крестьянъ“ Бальзака и выхода въ свѣтъ „Мужиковъ“ Чехова, отмѣтимъ нѣсколько главныхъ моментовъ въ развитіи народнической литературы на Западѣ и у насъ. Во Франціи сентиментально-идеалистическое направленіе, главнымъ представителемъ котораго служить Жоржъ-Сандъ, встрѣтило рѣшительный отпоръ въ лицѣ Бальзака, который далъ иное направленіе литературѣ и противопоставилъ рядъ реалистическихъ картинъ — вымышленнымъ, прикрашеннымъ, идеализированнымъ изображеніямъ крестьянской жизни. Картины его во многомъ правдивы, жизненны; но, по крайней мѣрѣ при описаніи даннаго сословія, односторонни, и авторъ—реакціонеръ во многомъ. Это, конечно, не умаляетъ степени его таланта, даже гениальности, и послѣдующее развитіе реализма и натурализма у писателей, примыкающихъ къ школѣ Бальзака, дало всѣмъ извѣстные результаты во французской литературѣ.

У насъ, при зарожденіи народнической литературы въ 40-хъ годахъ, одновременно съ послѣднимъ періодомъ жизни и дѣятельности Бальзака, идейное направленіе было иное; при этомъ, какъ извѣстно, реалистическія тенденціи встрѣтились и уживались нѣкоторое время рядомъ съ жоржъ-сандизмомъ. Однако, — по свидѣтельству Champfleury, — Бальзака въ Россіи все же раньше оцѣнили, чѣмъ на его родинѣ: *M. de Balzac était adoré à St.-Petersbourg quand on l'insultait en France*, — пишетъ Шамфлеръ въ 50-хъ годахъ (*Le réalisme*, 1857). Дѣйствительно, при всемъ отличіи въ общей оцѣнкѣ „крестьянства“ и въ выводахъ, есть много сходнаго въ приемахъ творчества Бальзака и нашихъ первыхъ „народниковъ“, и не только „народниковъ“, а и романистовъ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова и даже самыхъ крупныхъ.

Ограничусь указаніемъ двухъ чертъ, характерныхъ именно для

послѣдняго произведенія Бальзака и, *mutatis mutandis*, опредѣляющихъ первый моментъ въ эволюціи народнической литературы и у насъ, независимо отъ теченія, примыкающаго въ идейномъ отношеніи къ направленію Жоржъ-Сандъ.

Первая черта опредѣляется въ двухъ словахъ замѣчаніемъ Золя о литературной дѣятельности Жоржъ-Сандъ: „она не описывала крестьянъ, а воспѣвала ихъ“. Бальзакъ же описывалъ: описывалъ, какъ сторонній наблюдатель жизни, по сущности ему чуждой, но привлекавшей его для полноты осуществленія задуманной и тогда уже ясно сформулированной общей задачи—„Комедіи человѣчества“. Извѣстно, въ чемъ заключалась эта задача: представить описаніе человѣческихъ „породъ“, т.-е. людей разныхъ классовъ общества, сложившихся въ опредѣленные типы въ зависимости отъ вліянія среды и условій жизни. Бальзакъ усматривалъ въ человѣческомъ обществѣ аналогію съ животнымъ царствомъ, согласно теоріямъ Жоффруа Сентъ-Илера въ его знаменитомъ спорѣ съ Кювье. Сначала Бальзакъ писалъ безъ предвзятой теоріи, а подъ впечатлѣніемъ дѣйствительности и внутренне-пережитаго. По справедливому замѣчанію Флята (*Essais sur Balzac 1894—1896*), Бальзакъ незамѣтно для самого себя, почти непроизвольно пришелъ къ обобщеніямъ, которыя вытекали какъ „психологическая необходимость“ въ результатѣ долгаго накопленія документовъ, возникшихъ изъ его первыхъ опытовъ. Подведеніе ихъ подъ теоріи Жоффруа Сентъ-Илера было отчасти лишь случайнымъ совпаденіемъ выводовъ, и въ этомъ заключается (по мнѣнію Флята) существенная разница между приемами творчества Бальзака и нѣкоторыхъ его наиболѣе извѣстныхъ преемниковъ, т.-е. главнымъ образомъ Золя, у котораго—научныя теоріи впереди, а литература служитъ имъ лишь иллюстраціей (*Les conceptions scientifiques rattachées et plaquées à un effort littéraire*). Но какія особенности склада ума Бальзака привели его къ этимъ обобщеніямъ-теоріямъ, въ концѣ концовъ все же заимствованнымъ изъ области научныхъ изысканій? Прежде всего, конечно, стремленіе наблюдать, описывать, изслѣдовать соотношеніе явленій, — характеризовать во всѣхъ подробностяхъ, во всѣхъ мелочахъ міръ видимый, внѣшній. Поразительная наблюдательность и тонкая отдѣлка деталей этого Меіссонье въ литературѣ чередовались, правда, съ чистымъ творчествомъ по интуиціи, благодаря которой Бальзакъ и возвысился до созданія общечеловѣческихъ характеровъ,—каковы отецъ Горьо, старикъ Грандъ, Бальтазаръ Кляэсъ, Вотрэнъ и др. Но подобно тому какъ въ современной ему наукѣ описательный методъ являлся преобладающимъ, такъ и у Бальзака описательный приемъ представляется

его главнымъ оружіемъ. Отсюда многіе недостатки его стиля, не всегда соответствующаго тому или другому настроенію дѣйствующаго лица— оно не пережито авторомъ, а описано по наблюденіямъ со стороны.

Какъ бы ни дошелъ Бальзакъ до теорій, изложенной имъ въ предисловіи къ *Comédie humaine* уже въ 1842 г., свой новый романъ— „*Les paysans*“—онъ выполнилъ, подчинившись до нѣкоторой степени самъ своей теоріи, писать, стало быть, съ заранѣе намѣченной цѣлью, для выполненія сознательной задачи. Мы не назовемъ это тенденціозностью въ узкомъ смыслѣ слова, но все же нѣкоторой предумышленною теоретичностью, элементомъ, постороннимъ чистому творчеству. Это опредѣляетъ вторую черту, характерную именно для давняго произведенія Бальзака. Уже многія „породы“ людскія, многіе слои и классы общества были имъ „описаны“, когда Бальзакъ обратился къ вопросу о „крестьянахъ“, и здѣсь авторъ, наблюдатель и теоретикъ, лицо—уже вполне чуждое дѣйствующимъ лицамъ разсказа изъ низшаго сословія. Онъ не переживаетъ вмѣстѣ съ крестьянами процессовъ ихъ внутренней жизни, ихъ чувствъ и настроеній: онъ изучаетъ ихъ, наблюдаетъ дѣйствительность, даетъ характеристики, пишетъ, правда, съ натуры, но самъ стоитъ въ сторонѣ отъ картины, которую видитъ подъ извѣстнымъ угломъ.

Измѣните точку зрѣнія—пріемъ останется во многомъ сходнымъ даже у автора „Записокъ охотника“. Дѣйствительно, Тургеневъ тоже выступалъ въ качествѣ сторонняго наблюдателя при изображеніи крестьянскихъ типовъ и также имѣлъ въ виду определенную цѣль, хотя и иную, чѣмъ Бальзакъ. Крестьяне представляются у Тургенева какъ бы составной частью ландшафта, и недаромъ было замѣчено еще Анненковымъ, что природа и люди всегда координированы у Тургенева: описанія мѣстности, времени дня, погоды, освѣщеніе—всегда въ тонѣ съ сюжетомъ разсказа, съ душевнымъ настроеніемъ дѣйствующихъ лицъ *). Тургеневъ меньше разсуждаетъ, меньше морализуетъ, чѣмъ Бальзакъ; въ немъ сильнѣе художественный темпераментъ поэта и краски инныя. Къ нему рѣже примѣнимъ упрекъ, дѣлаемый Тэнномъ Бальзаку—описаніе не есть картина: и „картинности“, быть можетъ, даже слишкомъ много въ его описаніяхъ. Но психологія Тургенева не глубока, не всегда проникновенна; поэтъ стоитъ особнякомъ отъ дѣйствія; онъ больше излагаетъ, чѣмъ даетъ ощутить чужую душу въ ея скрытыхъ, угадываемыхъ движеніяхъ: описательный пріемъ беретъ рѣшительный перевѣсъ: авторъ и сю-

*) Мысль эта была подробнѣе развита въ лекціи г. Бардовскаго по поводу 50-лѣтія „Записокъ охотника“, читанной на „утрѣ“ въ Александринскомъ театрѣ. 21 декабря 1897 года.

жить постоянно дwoятся, чувствуются раздѣльно. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, чтобы Тургеневъ не обладалъ способностью понимать мужика, сочувствовать его настроеніямъ и даже многое угадывать въ его внутренней жизни; но вѣрно понявъ характеръ, настроеніе, онъ, подобно Бальзаку, передаетъ ихъ неоднократно „своими словами“, т.-е. описательно.

Та же раздвоенность характеризуетъ и поэзію Некрасова, у котораго, какъ извѣстно, за поэтомъ, за художникомъ-бытописателемъ выказывается и публицистъ. Описательный приѣмъ съ разными отгнѣнками, въ разсмотрѣніе которыхъ не буду здѣсь вѣдаться, присутств. у насъ цѣлой плеядѣ писателей-народниковъ, проявившихъ болѣе или менѣе оригинальный талантъ, но не создавшихъ новаго направленія въ художественной литературѣ. Въ наиболѣе откровенной формѣ онъ выраженъ у Глѣба Успенскаго, который разсудочной стороною своего творчества всего ближе стоитъ къ Бальзаку, сходясь съ нимъ зачастую и въ выводахъ. Такъ, напримѣръ, характеризуя личность и міросозерпаніе Ивана Босыхъ (во „Власти земли“), Г. Успенскій замѣчаетъ, что его „отвѣты и рассказы были всегда неинтересны, очень часто утомительны своимъ однообразіемъ или, напротивъ, ставили въ недоумѣніе... Пронесло это отъ того, что Иванъ часто вовсе не упоминалъ о томъ *главномъ*, что давало этимъ слухамъ и утомительнымъ разговорамъ глубокой (на мой взглядъ) интересъ, а я, какъ *человѣкъ, посторонній подробностямъ и сущности народной жизни*, не понималъ этого главнаго и пропускалъ мимо ушей такія слова и фразы, произносимыя Иваномъ мимоходомъ, какъ всѣмъ давно извѣстныя и понятныя, которыя именно одни только и могли освѣтить мнѣ тьму и путаницу нашихъ неинтересныхъ разговоровъ“. Авторъ, очевидно, доискивается до пониманія народной души; онъ идетъ ощупью, какъ *человѣкъ*, по собственному признанію, „посторонній сущности народной жизни“ *).

*) Оставляемъ въ сторонѣ г. Златовратскаго, оцѣнка котораго сдѣлана и не вызываетъ особыхъ разногласій въ послѣднихъ отзывахъ критики по поводу 30-лѣтняго юбилея его литературной дѣятельности. Его главной заслугой отмѣчено было то, что при изображеніи крестьянскихъ типовъ, авторъ разсматриваетъ ихъ не обособленно, а въ ихъ средѣ. „Вы изобразили деревенскую жизнь во всей ея полнотѣ,—сказано въ адресѣ московскаго общества,—во всей ея полнотѣ, во всѣхъ ея будничныхъ проявленіяхъ“. Но г. Златовратскій все же „романтикъ“ народности изъ школы Жюль-Сандъ, а затѣмъ онъ также обобщаетъ свои наблюденія „пародной психологіи“, какъ посторонній наблюдатель и изслѣдователь народной жизни. На эту особенность приѣмовъ творчества большинства нашихъ народниковъ справедливо указалъ критикъ „Сѣвернаго Вѣстника“ (январь, 1898 г.): „Авторъ пользуется беллетристической формой какъ бы мимоходомъ, нѣхоти, случайно и забываетъ ее или пренебрегаетъ ею при всякомъ удобномъ случаѣ. Его произведеніе,

Иной приѣмъ творчества характеризуетъ произведенія изъ народнаго быта Льва Н. Толстого, когда онъ выступилъ на это поприще, уже въ сравнительно болѣе позднемъ періодѣ своей литературной дѣятельности. По крайней мѣрѣ, въ двухъ его произведеніяхъ—„Власть тьмы“ и „Хозяинъ и работникъ“—мы имѣемъ отнюдь не стороннее описаніе наблюдателя жизни. Однако, авторъ не только сживается съ дѣйствующими лицами своей драмы и повѣсти, а вкладываетъ себя самого въ нихъ. Частности внѣшняго обихода поразительны по своему реализму и кажутся непосредственнымъ отголоскомъ жизни; стоитъ глубже присмотрѣться къ характерамъ, и главные изъ нихъ представляются *созданными*, созданными не только по даннымъ, заимствованнымъ изъ окружающей дѣйствительности, изъ наблюденій жизни, а по внутреннимъ, *личнымъ* процессамъ творчества, согласно психологій самого автора и его индивидуальнымъ особенностямъ. Да и по основной темѣ „Власть тьмы“ съ гораздо большимъ правомъ можетъ быть названа отвлеченнымъ этюдомъ страсти и ея роковыхъ послѣдствій, съ точки зрѣнія философско-моральной, чѣмъ бытовой картиной жизни крестьянъ, и это—несмотря на ultra-реалистическую обстановку дѣйствія. Въ характерѣ купца, въ „Хозяинѣ и работникѣ“, также много внесено субъективно-толстовскаго, и нетрудно сблизить этотъ рассказъ со „Смертью Ивана Ильича“, при внѣшней трагедій дѣйствующихъ лицъ. Несмотря на этотъ субъективный элементъ, который авторъ влагаетъ въ характеристику индивидуальности того или другого лица, Толстой несомнѣнно придаетъ своимъ созданіямъ и кажущійся, объективно-реальный обликъ, художественную цѣльность образа. Однако, къ главнымъ созданнымъ имъ характерамъ вполне примѣнимо, на мой взглядъ, выраженіе „отвлеченныхъ реальностей“, выраженіе, установленное за послѣднее время французскими критиками по отношенію къ произведеніямъ классицизма XVII вѣка. Толстой именно создаетъ „отвлеченныя реальности“ общечеловѣческаго характера изъ крестьянскихъ типовъ, какъ въ XVII вѣкѣ во Франціи создавали „отвлеченныя реальности“ изъ королей и принцевъ классической трагедіи. Въ этомъ его громадная заслуга и культурно-историческое значеніе данныхъ его произведеній, въ которыхъ

задуманное, какъ романъ, повѣсть или рассказъ, обращается безъ всякой видимой причины въ разсужденіе или въ журнальную статью, гдѣ трактуются вопросы народной психологій... Это черта школы, исключительно ей принадлежащая... Между „народниками“ есть и были писатели съ выдающимся художественнымъ талантомъ, а между тѣмъ, забывая, что они художники, они говорятъ общими мѣстами, какъ бы стыдясь своей творческой силы. Еще раньше на это обратилъ вниманіе Н. К. Михайловскій въ своемъ очеркѣ о Глѣбѣ Успенскомъ (см. „Сочиненія“ т. V, 1897 г., стр. 81).

демократическая волна XIX вѣка достигла въ литературѣ кульминаціоннаго пункта. Подобно тому, какъ натурализмъ Расина привелъ его къ созданію вполне человѣческихъ характеровъ изъ царственныхъ особъ, къ тому, чтобы, при сохраненіи внѣшняго колорита придворной, бытовой обстановки жизни XVII вѣка, очертить типы универсальнаго значенія, глубоко правдивые и, по сущности, реальные, но именно, какъ „отвлеченныя реальности“,—такъ Левъ Толстой претворилъ личности изъ крестьянскаго сословія, возвысилъ ихъ до значенія общечеловѣческихъ характеровъ, при сохраненіи внѣшней реально-бытовой обстановки дѣйствія. Такъ поступалъ, конечно, и Шекспиръ, откуда бы онъ ни заимствовалъ сюжеты своихъ трагедій (но все же исключительно изъ привилегированнаго сословія), при большей объективности и разнообразіи очерченныхъ характеровъ; Расинъ тоже несравненно объективнѣе Толстого, но индивидуальность автора „Войны и мира“ настолько широка, глубока, скажу даже—многогранна, независимо отъ односторонности его теорій, что общечеловѣческое въ его созданіяхъ не заслонено вполне субъективнымъ. Даже наоборотъ,—основные характеры крестьянскихъ типовъ приобрѣтаютъ у него общечеловѣческое значеніе, благодаря тому индивидуальному элементу, который въ нихъ вложенъ авторомъ: они близки намъ, близки всѣмъ, такъ называемымъ „интеллигентнымъ“ лицамъ, потому что перекинуть мостъ между различіями сословныхъ разграниченій. Такимъ образомъ, прежняго обособленія между писателемъ и объектомъ описанія уже нѣтъ; личность автора слита съ его твореніями; художникъ уже не описываетъ дѣйствительности, а создаетъ воображаемый міръ, реально-возможный, но по существу именно созданный.

А. П. Чеховъ представляетъ намъ другой фазисъ эволюціи творчества. Спѣшу оговориться, что я не дѣлаю никакихъ сравненій *степени* таланта или гениальности того или другого писателя: наши замѣчанія относятся исключительно къ приемамъ творчества, имѣютъ въ виду лишь отношеніе автора къ своему произведенію, совершенно независимо отъ классификаціи талантовъ по степенямъ. Последнее мы сочли бы теперь и неумѣстнымъ. Разница приемовъ Чехова отъ двухъ другихъ указанныхъ моментовъ развитія народнической литературы заключается въ томъ, что онъ не описываетъ, какъ Бальзакъ и отчасти Тургеневъ, внѣшній бытъ, особенности и индивидуальныя черты разныхъ лицъ изъ народной среды; съ другой стороны, онъ не создаетъ „своихъ характеровъ“ какъ Толстой, пользуясь наблюденіями дѣйствительности, какъ матеріаломъ и претворяя ихъ въ новые образы личнаго творчества; Чеховъ воспринимаетъ впечатлѣнія жизни.

передаетъ въ образной формѣ свои индивидуальныя ощущенія дѣйствительности. Это, конечно, импрессионизмъ, съ вышеуказанными ограниченіями, при которыхъ мы старались выдѣлать и нѣчто иное, большее, даже въ послѣднемъ разсказѣ Чехова. Но импрессионизмъ все же остается, съ его положительными и отрицательными сторонами. Положительными—необыкновенная свѣжесть впечатлѣній для того читателя, котораго индивидуальность близка индивидуальности автора, или по крайней мѣрѣ способна къ ней приноровиться: положительными—ибо авторъ также не сторонній наблюдатель жизни, а тѣсно связанъ съ нею, составляетъ самъ какъ бы часть ея, открываясь намъ въ своихъ ощущеніяхъ и непосредственной передачѣ впечатлѣній жизни; отрицательными—неполнота, возможная односторонность, скажемъ даже, случайность полученныхъ впечатлѣній: невозможность на основаніи ихъ дѣлать общіе выводы. Но Чеховъ силенъ своимъ „настроеніемъ“ и самобытнымъ талантомъ. Его импрессионизмъ не внѣшній, а, такъ сказать, внутренній, т.-е. впечатлѣнія проходятъ сквозь призму индивидуальности автора, отлагаются на его внутренней жизни: поэтому онѣ такъ характерны и служатъ образнымъ выраженіемъ эволюціи его индивидуальнаго созерцанія.

Что касается В. Г. Короленко, то онъ занимаетъ особое мѣсто въ силу сложности дарованій этого писателя, при всемъ, сравнительно небольшомъ объемѣ имъ созданнаго. Во внѣшнихъ приѣмахъ онъ отчасти примыкаетъ къ школѣ Тургенева, котораго напоминаетъ и по лирическому темпераменту, по воспримчивости къ красотамъ природы, по стремленію къ художественной цѣльности картины. Но есть и несомнѣнная разница. Вспомнимъ, наприимѣръ, его произведеніе — „Лѣсъ шумитъ“, которое по общей структурѣ, по технике и внѣшнимъ приѣмамъ всего ближе подходитъ къ жанру „Записокъ охотника“, быть можетъ, даже создано подъ нѣкоторымъ литературнымъ вліяніемъ Тургенева. Превосходная, поэтическая рамка зеленого, вѣчно шумящаго лѣса, въ которомъ „много тайнъ погребено“. Крѣпко лѣсъ шумитъ, быть бурѣ—и разыгралась она прежде всего въ людскихъ сердцахъ. Координація рамки и сюжета та же, что обыкновенно у Тургенева. Далѣе разсказъ ведется отъ имени старика, но психологія принадлежитъ или, вѣрнѣе, угадана авторомъ: намѣчено нѣсколько послѣдовательныхъ фазисовъ развитія характера главнаго дѣйствующаго лица—лѣсника Романа, и они переданы съ поразительнымъ рельефомъ, не какъ „описаніе“, а именно какъ пережитое, какъ продуктъ творчества „субъективнаго“, заставляющаго угадывать недосказанное, не выраженное словами. Почему Романъ въ началѣ такъ противился женитьбѣ? Онъ приводитъ разные предлоги, кромѣ глав-

наго: Оксана любовница пана. Конечно, онъ сразу догадался, почему панъ такъ настойчиво хотѣлъ его женить, но это нигдѣ не высказано и не должно было быть высказано, если считаться съ психологіей крестьянина и не быть повѣствователемъ, разъясняющимъ читателю записанныя наблюденія. Подчинился Романъ панской волѣ, подъ ударами кнута, но выставляетъ предлогомъ: „не дожидеться батюшко, чтобы изъ-за бабы христіанину вотъ какъ сынали, да еще не считали“. Шуткой прикрито насильственное подчиненіе чужой волѣ. Бракъ заключенъ, но, конечно, бракъ лишь формальный, и Романъ озлобленъ противъ насильно-данной ему жены: „не люблю,—говоритъ онъ,—когда баба у меня въ избѣ спитъ. Духъ нехорошій“. Слѣдующій моментъ въ развитіи чувствъ у Романа—прощеніе и примиреніе съ женой. Испытаніе длится нѣкоторое время, испытаніе безмолвное, своеобразное, но крестьяне мало говорятъ, когда что-нибудь глубоко въ душѣ залегло: они словоохотливы лишь по постороннимъ вопросамъ и предметамъ внѣшняго обихода; для того у нихъ словъ не хватаетъ. Предлогъ примиренія опять данъ формальный: стало лучше, удобнѣе жить при хозяйкѣ въ домѣ, и привыкъ. Бальзакъ остановился бы на этой внѣшней чертѣ, отмѣтивъ новое подтвержденіе своему тезису объ индифферентизмѣ крестьянъ въ вопросахъ „нравственности“. Однако, индифферентизма тутъ нѣтъ: есть у Романа невысказанная словами, скрытая причина, которую авторъ даетъ, однако, возможность угадать: Романъ понялъ, убѣдился, присмотрѣвшись къ Оксанѣ, что она не распутница по природѣ, что не по своей волѣ „согрѣшила“ съ паномъ. Покорностью, добрымъ поведеніемъ, послушаніемъ она искупила свой невольный грѣхъ, расположила Романа къ себѣ, и онъ простилъ ее, простилъ, даже не высказавъ упрека. Только одинъ разъ Романъ позволилъ себѣ намекъ на прошлое: когда ребенокъ Оксаны умеръ и она слишкомъ долго оплакиваетъ его. Немного поплакать онъ ей далъ; не „дитыну“ жалѣлъ Романъ, а „Оксану жалѣлъ“; но потомъ не вытерпѣлъ — „можетъ быть, говорить, будетъ другая лучшая, „дитына“, а та еще, можетъ, и не моя была“... Но онъ спѣшилъ загладить неловкость такого намека: крестьяне, вопреки Бальзаку, не чужды „деликатности“ въ чувствахъ, а порой и удивительной чуткости сердца. И вотъ, Романъ поясняетъ, что не свое подозрѣніе онъ сообщилъ: то бабка Федосья сказала, что слишкомъ скоро „дитына поспѣла“; самъ же онъ будто и не знаетъ, „скоро или пскоро“ это полагается... Третій и послѣдній моментъ—ревность и месть. И опять-таки Романъ словно самъ и не при чемъ, ничего не видѣлъ, не догадывается. Другой человекъ—Опанасть—досказываетъ: „не стерпѣть мое сердце, чтобы лютый ворогъ опять теперь и палъ

нею и надъ тобою потѣшался". Простая душа Романа искала какъ бы внѣшней прицѣпки, чтобы дать волю своимъ личнымъ чувствамъ и подозрѣніямъ. При всей сложности психологическаго процесса, происходившаго въ душѣ Романа, авторомъ замѣчательно выдержанъ его кажущійся безличнымъ и апатичнымъ характеръ человека, словно лишеннаго всякой инициативы. Такъ соблюдена внѣшняя объективность изложенія, правдивость очертаній и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрытъ внутренній міръ дѣйствующаго лица разсказа; скорѣе угадываемый, чѣмъ изложенный въ словахъ; нужно постоянно читать между строкъ. Поэтому разсказъ и производитъ впечатлѣніе чего-то пережитаго, какъ бы лично испытаннаго: данный характеръ не описанъ и не записанъ наблюдателемъ жизни, онъ пережитъ и воспроизведенъ въ формѣ непосредственныхъ ощущеній жизни.

Выше указаннымъ приемомъ внесенія фантастическаго элемента въ свои разсказы Короленко отчасти напоминаетъ Гоголя. Его повѣсть „Судный день“ — словно отголосокъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Быть можетъ, изложеніе здѣсь нѣсколько длинно, что ослабляетъ интересъ, и слишкомъ элементарно противоположеніе жида и кулака изъ крестьянъ, въ пользу перваго. Но, пользуясь вымысломъ, образностью очертаній и фантастическими преданіями, Короленко, какъ уже было замѣчено, во многомъ символическъ, и это и есть то новое, что онъ отъ себя придаетъ данному, усвоенному имъ литературному приему.

Иною стороною своего творчества Короленко близокъ къ Л. Н. Толстому: выступая по преимуществу въ роли бытописателя, онъ не просто романистъ-этнографъ, обладающій способностью сживаться, переживать и воспроизводить въ художественной формѣ различные — скажемъ, употребляя терминъ научной этнографіи, — „психическіе организмы“. Индивидуальность автора зачастую проникаетъ въ самые образы, просвѣчиваетъ за дымкой объективированнаго разсказа, придавая ему особый смыслъ. Напримѣръ, внѣшнія очертанія „Сна Макара“ представляютъ вполне возможный якутско-христіанскій міръ, но это не страничка фольклора въ художественной передачѣ наблюдателя жизни, стремящагося понять и воспроизвести чуждое ему, какъ интеллигенту, міросозерцаніе. Авторъ, правда, сроднился съ типомъ, пережить его чувствованія и вѣроятныя вѣрованія; фальшивой ноты нигдѣ нѣтъ; но, конечно, идейное содержаніе „сна“ принадлежитъ не Макару. Та высокая мораль, тѣ начала гуманности, тотъ философскій подъемъ мысли, которые просвѣчиваютъ въ цѣломъ рядѣ эпизодовъ „видѣнія“ и завершаются въ превосходномъ штрихѣ, какъ деревянная чашка вѣсовъ поднимается, — все это не

могло сниться бѣдному Макару. Мы имѣемъ дѣло съ индивидуальностью автора, съ его личнымъ настроеніемъ и думами. Еще яснѣе выражается она въ такомъ очеркѣ, какъ „Тѣни“, и именно за спиной „тѣни“ Сократа, бесѣдующаго съ грознымъ владыкой Олимпа и отстаивающаго свободу совѣсти, свободу изслѣдованій, разумное усвоеніе истины. И кстати замѣтимъ—если свести вмѣстѣ различныя черты, въ которыхъ проявляется личное настроеніе автора въ разныхъ его очеркахъ, то не окажется ли самою главною, типичною въ нихъ—на-ряду съ широкою любовью ко всему человѣческому—именно это исканіе правды, глубокое, смѣлое и до боли душевной искреннее стремленіе къ истинѣ, которая одна „освобождаетъ людей“? Если мы не ошиблись въ опредѣленіи основной черты нашего бытописателя-поэта, то мы, пожалуй, нѣсколько заподозримъ полную „объективность“ созданія такого типа, какъ вышеупомянутый „убивецъ“. Не есть ли и онъ также лишь „отвлеченная реальность“? Но, съ другой стороны, не отъ того ли такъ близка и понятна автору та духовная жизнь простаго народа, которая несомнѣнно ему присуща, въ немъ кипитъ и дѣлается, несмотря на оковы невѣжества, на первобытную грубость нравовъ, на всѣ отрицательныя свойства „мужика“? Чеховъ по преимуществу ощутилъ эти отрицательныя свойства, наметилъ ихъ, и на иные, смутныя проблески духовнаго начала, но, въ общемъ, онъ все же выступилъ главнымъ образомъ, какъ нѣкогда и Бальзакъ, разрушителемъ „иллюзій“. Короленко „ощущаетъ“ другія стороны народной жизни; онъ ему близки, онъ съ ними сроднился и воспроизводитъ ихъ не какъ „иллюзіи“, которыя умѣстны лишь разъ въ жизни, въ юности, — мы изъ нея вышли и намъ онъ уже не по возрасту, — а какъ ту почву, тѣ положительныя данныя, которыя имѣются и у низшей братии, лишенной „достатка“, но все же способной воспринять сѣмя добра и правды.

На вопросъ—должны ли мы учиться, какъ жить—у мужика, Короленко, вѣроятно, отвѣтилъ бы, какъ и Чеховъ, что учиться нечему, но добавивъ, а все же есть, за что и любить его.

Высказанныя замѣчанія, конечно, не имѣютъ въ виду представить сравнительную оцѣнку указанныхъ писателей во всемъ объемѣ ихъ литературной дѣятельности: съ этой точки зрѣнія характеристика была бы неполною и, къ тому же, представились бы существенныя неудобства сравнивать „молодыхъ“, не сказавшихъ еще своего послѣдняго слова писателей, съ такими колоссами въ литературѣ, какъ выше-названные имена.—Посвящая очеркъ памяти Бальзака, мы не можемъ въ заключеніе не припомнить одной глубокой мысли, высказанной имъ въ предисловіи къ тому же роману о „крестьянахъ“. Бальзакъ

самъ называлъ представленную имъ картину правды — „d'une effrayante vérité“ — тяжелой, потрясающей правдой: но спѣшить къ этому прибавить, что такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, „пока общество станетъ возводить филантропію въ принципъ, вмѣсто того, чтобы считать ее случайностью въ жизни“ (tant que la société voudra faire de la philanthropie un principe au lieu de la prendre pour un accident). Что же значитъ этотъ афоризмъ? Мнѣ кажется, что смыслъ его очевиденъ и, къ тому же, онъ является въ весьма рельефномъ противорѣчій съ другими разсужденіями Бальзака — „реакціонера“. Пока филантропія будетъ возводима въ принципъ, до тѣхъ поръ не будетъ принято мѣръ къ полному искорененію зла, или вѣрнѣе — золь: золь невѣжества, грубости, несомнѣнныхъ золь нищеты, со всѣми ея отрицательными послѣдствіями. Филантропія, какъ „случайность“, должна существовать, но это средство палліативное. А какое государство, правительство, общество, руководящееся принципами справедливости и добра, не ставятъ своей конечной цѣлью самостоятельное благополучіе гражданъ, и только временной задачей — опеку сильныхъ надъ слабыми, благотворительность, какъ средство — не искорененія, а только отстраненія немедленныхъ, вопіющихъ золь? Пусть мечта о такой идеальной общественной организаціи представляется утопіей, которую тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ опровергаетъ, все же отраднo раскрыть въ глубинѣ души Бальзака — скептика и пессимиста — *скрытаго* утописта и гуманиста въ лучшемъ смыслѣ слова.

В. Батюшковъ.

9-го янв. 1898 г.